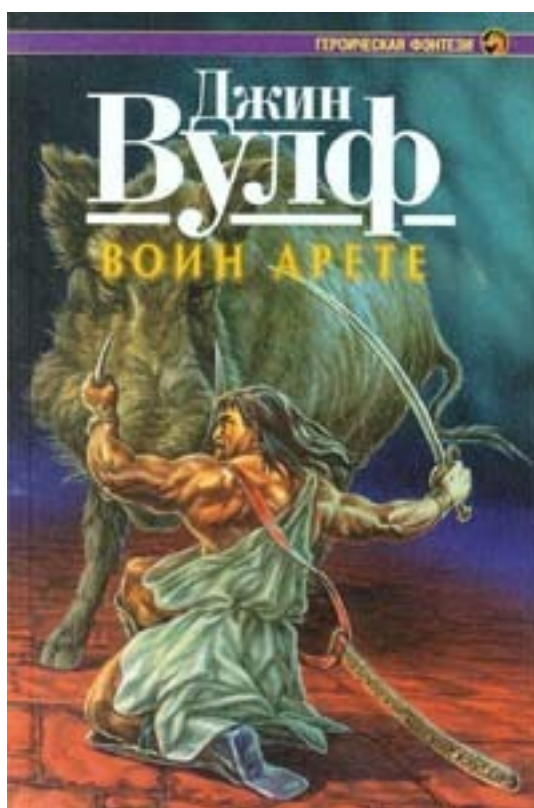

ГЕРОИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Джин Вулф

ВОИН АРЕТЕ

Воин тумана

Джин Вулф

Воин Арете

1989

Вулф Д.

Воин Арете / Д. Вулф — 1989 — (Воин тумана)

Слово «арете» означает высшую степень доблести у древних греков. Латро, герой романа, действительно доблестный воин, но он потерял память. Каждое утро он забывает, что делал вчера, и если бы не друзья, которые всегда рядом с ним, и дневник, который ведет Латро, он не смог бы выжить на раздираемом войнами Пелопоннесе. Латро становится полноправным гражданином Спарты, но боги приоткрывают для него завесу забвения. Латро – латинянин. И значит, свой подвиг совершит, если освободит во время Олимпийских игр из рабства своих сограждан...Но вернется ли к нему память?

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	39
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	44
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

ДЖИН ВУЛФ

ВОИН АРЕТЕ

Эта книга посвящается древнему полководцу, самому недооцененному из античных авторов и наиболее обойденному вниманием потомков, Ксенофонту Афинскому¹.

И явился к Ксенофонту, когда тот приносил жертву, один человек и сказал: «Грилл убит». И Ксенофонт снял венок, что украшал его голову, но церемонию жертвоприношения прерывать не стал. И тогда посланец сказал: «Смерть его была достойной». И Ксенофонт вновь возложил венок себе на голову; как гласит легенда, он не пролил ни слезы, лишь вымолвил: «Я знаю, что родил его смертным».
Диоген Лаэртий².

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свиток в очень плохом состоянии, в нем множество пропусков. Латро, кажется, не прикасался к нему целую неделю с тех пор, как его отряд покинул Пактию. Причиной тому вполне могла служить суровая фракийская зима; хотя папирус может порой сохраняться тысячи лет, он буквально рассыпается в прах, если намокнет. Подобную уязвимость этого материала подтверждает и свиток, принадлежавший Латро. Средняя часть свитка серьезно повреждена, и невозможно прочитать значительную часть текста, по всей видимости имевшего отношение к прибытию «Европы» в Пирей. И еще один пробел в тексте (сразу после описания освобождения Латро в Спарте) появился, видимо, вследствие того, что свиток комкали.

Искусство верховой езды, каким владели древние, во многом недооценивается нынешними исследователями, просто неспособными представить себе, как всадник может держаться в седле без стремян. Им бы неплохо было ознакомиться с историей американских индейцев, обитателей Великих равнин, которые совсем еще недавно прекрасно ездили верхом без стремян, подобно древним конникам, и, как и те, пользовались копьём, луком со стрелами и дротиками. (Кстати, легкие боевые топоры на длинных рукоятках, широко распространенные в персидской коннице, пришлись бы весьма по вкусу Джеронимо или Кочису, знаменитым вождям апачей.) По моему убеждению, стрелять из винтовки "спрингфилд" 45-го калибра на полном скаку и обернувшись назад (а индейцы проделывали такое достаточно часто) гораздо труднее, чем такое ведение боя, которое требовалось от древних конников.

Читатель должен помнить, что кони древних греков не имели подков и редко кастрировались (а боевых жеребцов вообще не кастрировали). Хотя тогдашние лошади и были некрупными по современным меркам, отсутствие стремян все же затрудняло посадку в седло. (По сути дела, стремяна, видимо, изначально были предназначены именно для того, чтобы садиться в седло; их начали использовать тогда, когда селекция привела к появлению более крупных лошадей.) Для того чтобы сесть в седло, конник опирался на копьё или на пару дротиков. Некоторые лошади были приучены подгибать передние ноги, чтобы облегчить задачу всаднику.

Текст данного папируса совершенно ясно доказывает, что современные историки заблуждаются, считая амазонок вымыслом, легендой. Древние авторы писали об их вторжении в центральные области Греции в эпоху афинского царя Тесея, приводя различные подробности; погребальные холмы павших в бою предводительниц отрядов амазонок помогают проследить путь этих воительниц от Аттики до Фракии. В любом случае, по-моему, очевидно, что у кочевников решительная женщина весом всего в 120 фунтов вполне могла считаться более ценной

"единицей" в войске, чем мужчина, вдвое превышающий ее весом, ибо не менее умело владела луком, но значительно меньше утомляла своего коня.

Мне кажется, нет необходимости напоминать, что женщины-воительницы действовали на всем протяжении истории человечества, включая и наше время.

Панкратион можно определить как древний синоним наших нынешних боевых искусств. Его правилами было запрещено только кусаться и надавливать на глаза, а бой продолжался до тех пор, пока один из участников не признавал своего поражения. Следует также отметить, что изображение атлета, наносящего противнику удар кулаком, отнюдь не всегда – изображение кулачного бойца. Те обычно бинтовали кисти рук кожаными ремнями.

Данный свиток также весьма интересен еще и потому, что содержит единственный известный отрывок из прозы Пиндара, величайшего греческого поэта после Гомера.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Я НАЧИНАЮ СНАЧАЛА

Я снова начинаю вести свой дневник вот на этом чистом свитке, который чернокожий нашел в городе. Сегодня утром Ио показала мне исписанный мною старый свиток и объяснила, какую ценность он для меня представлял. Я пока прочитал только первую и последнюю страницы, но рассчитываю прочитать значительно больше еще до захода солнца. Сейчас, правда, я намерен сперва записать то, что мне необходимо запомнить на будущее.

Люди вокруг называют меня Латро, но я сомневаюсь, что это мое настоящее имя. Человек в львиной шкуре назвал меня Люцием, во всяком случае, именно так записано в первом свитке. Оттуда же я узнал, что очень быстро все забываю. Думаю, так оно и есть. Когда я пытаюсь понять, что же все-таки произошло вчера, на ум приходят лишь беспорядочные обрывки воспоминаний о том, как я куда-то шел, что-то непонятное делал, с кем-то разговаривал; так что я, наверное, похож на корабль, заблудившийся в тумане, когда впередсмотрящий видит только нависающие над судном тени, которые вполне могут оказаться береговыми утесами, или другими кораблями, или вообще ничем; он слышит голоса, но это могут быть как голоса людей на берегу, так и голоса сирен, а может, и призраков.

По-моему, Ио и чернокожий, в отличие от меня, помнят все. Именно от Ио я узнал, что мы теперь находимся на Херсонесе Фракийском³, а захваченный город называется Сест. Здесь произошла битва между афинянами и подданными Персии. Командующий персов надеялся таким образом отбиться от преследователей. Так говорит Ио, а когда я возразил ей, сказав, что город выглядит вполне способным выдержать длительную осаду, она объяснила, что в городе не хватало продовольствия, и персидские воины, а также эллины (город, оказывается, исходно принадлежит эллинам) начали голодать. Ио – еще ребенок, но уже превращается в красивую девушку с длинными черными волосами.

Оказывается, правитель этого города собрал все свои войска перед главными воротами, посадив всех своих жен и рабынь (коих у него великое множество) в крытые повозки. Он обратился к воинам с речью, заявив, что поведет их в бой против афинян; но когда на воротах подняли засовы, правитель со своими приближенными быстро и втайне от остальных переместился в другое место, где они перелезли через стену с помощью ремней, рассчитывая скрыться, пока у ворот идет бой. Но их попытка окончилась неудачей, и некоторые из пленников сейчас находятся здесь.

Я, видимо, тоже пленник, поскольку один из них – человек по имени Гиперид – называет меня своим рабом, как и чернокожего. (Гиперид невысок и едва достает своей круглой и совершенно лысой головой мне до кончика носа; впрочем, держится он прямо и говорит быстро.) Но это еще не все. Ио, которая называет себя моей рабыней, хотя нынче утром я предлагал освободить ее, говорит, что царь Спарты Павсаний тоже предъявляет на нас свои права. Это он послал нас сюда вместе с сотней молодых спартанцев, которые оставались здесь до начала боя, когда их предводитель был ранен, после чего они тут же (не испытывая особой любви к ведению осад и предвидя, что эта будет особенно длинной) уплыли домой.

³ Херсонес Фракийский – полуостров во Фракии, ныне полуостров Галлиполи на берегу пролива Дарданеллы, в Европейской Турции.

Сейчас зима. Дуют сильные холодные ветры, часто идет дождь; но мы живем в хорошем доме, одном из тех, где раньше жили персы. Под моей кроватью стоят сандалии, но мы ходим в сапогах – Ио говорит, что это Гиперид купил сапоги для всех" нас, когда город сдался, да еще две пары для себя самого.

Здесь, в Херсонесе, земля очень плодородная и, подобно всем плодородным землям, под дождем раскисает и превращается в грязь.

Сегодня утром я ходил на рынок. Граждане города Сест, как я уже говорил, эллины, из племени эолийцев⁴, детей ветра. Они все время озабоченно спрашивают, намерены ли мы оставаться здесь на зиму, и рассказывают мне, как опасно плыть в это время года через Геллес-понт; я думаю, они просто боятся, что персы постараются вскоре снова захватить столь плодородную область. Вернувшись, я спросил Ио, что она думает по этому поводу. Она сказала, что мы, несомненно, уйдем отсюда, и весьма скоро; но можем и вернуться, если персы попытаются опять взять город.

* * *

Нынче вечером случилось нечто совершенно необъяснимое. И хотя уже давно стемнело, я все же хочу это записать, прежде чем мне снова придется уйти.

Гиперид обычно пишет по вечерам свои приказы и счета, так что на столе стоит отличная лампа с четырьмя фитилями.

Он вошел, когда я чистил его ножные латы, и велел мне пристегнуть саблю и надеть плащ. Вместе мы поспешили затем к цитадели, где находились пленники. Взобравшись по множеству лестниц, мы очутились в верхнем помещении башни, где было двое пленных – мужчина и мальчик; были там и стражники, но Гиперид отослал их. А потом сел и сказал:

– Артаикт, друг мой несчастный, в незавидном положении ты оказался!

Пленный перс кивнул. Это был крупный мужчина с холодными глазами.

Борода у него почти седая, но выглядел он очень сильным; только теперь я, похоже, догадался, зачем Гиперид взял меня с собой.

– Ты ведь знаешь, я для тебя сделал все что мог, – продолжал Гиперид. – А теперь мне нужно, чтобы и ты кое-что для меня сделал. Дело у меня небольшое.

– Сделаю, не сомневайся, – отвечал Артаикт. – В чем заключается твое "небольшое дело"? – На языке эллинов он говорил, по-моему, значительно хуже меня.

– Когда твой господин ступил на нашу землю, он ведь перешел море по мосту из лодок, не так ли?

Артаикт кивнул, мальчик тоже.

– И, как я слышал, этот мост по всей длине был покрыт слоем земли? – продолжал Гиперид с некоторым недоверием. – Некоторые даже утверждают, что в землю были посажены деревья!

– Так оно и было, я сам видел, – сказал мальчик. – Там были и деревца, и разные кусты – их специально посадили по обе стороны моста, чтобы кони не пугались воды.

Гиперид присвистнул.

– Удивительно! Нет, это просто удивительно! Завидую вам – должно быть, замечательное было зрелище! – И он снова повернулся к отцу мальчика:

– Очень способный мальчик этот юный царевич! Как его имя?

⁴ Эолийцы (греч. «пестрые») – одно из четырех главных греческих племен (вместе с ионийцами, дорийцами и ахейцами). В Эолиде, на эгейском побережье Малой Азии, ими был создан Союз двенадцати городов.

– Артембар, – сказал Артаикт. – Его назвали в честь моего деда, который был другом самого Кира⁵.

При упоминании этого имени Гиперид хитро улыбнулся:

– Теперь очень многие называют себя друзьями Кира. У великих завоевателей всегда оказывается очень много друзей.

Но Артаикта это не смутило.

– Верно, – произнес он. – И все же большинство этих самозванцев никогда даже за одним столом с Киrom не сидели и вина с ним не пили.

Гиперид горестно покачал головой:

– Но как это грустно – ведь ныне потомки Артембара и вовсе не пьют вина. Не думаю, чтобы вам тут давали вино, так ведь?

– По большей части дают воду и овсяную кашу, – признался Артаикт.

– Не знаю, удастся ли мне спасти тебя и твоего сына, – сказал ему Гиперид. – Горожане хотят вас убить, а Ксантипп⁶, как обычно, поддерживает ту сторону, за которую нынче выступает. Но пока вы живы, я, по крайней мере, могу обещать вам вино, причем хорошее, поскольку сам его достаю, и более пристойную пищу, если вы ответите на один мой вопрос.

Артаикт поглядел на меня, потом спросил:

– А может, тебе лучше просто избить меня, Гиперид? Чтобы я заговорил, а? Вы вдвоем вполне справитесь.

– Избить? Да ни за что на свете! Разве я могу так поступить по отношению к старому другу? Никогда! Впрочем, есть и другие...

– Несомненно. Однако и мне не следует забывать о чести. Правда, я готов прислушаться к разумным доводам. Я не настолько глуп и отлично понимаю: тебя прислал Ксантипп. Что именно тебя интересует?

Гиперид улыбнулся, снова посерьезнел и потер руки, словно предвкушая удачную сделку.

– Я... Видишь ли, Артаикт, мне надобно знать, был ли благородный Эобаз среди тех, кто вместе с тобой пытался бежать через городскую стену?

Артаикт быстро глянул на сына. Так быстро, что я едва успел это заметить.

– Не вижу никакой беды, если ответчу тебе честно. Да, был. Но теперь он уже в безопасности.

Гиперид, улыбаясь, поднялся.

– Благодарю тебя, мой друг! Можешь быть уверен, я сделаю все, что обещал. Даже больше: я постараюсь сделать так, чтобы вам сохранили жизнь.

Если смогу, конечно. Латро, мне тут надо поговорить еще кое с кем, а ты сходи к нам домой и принеси самого лучшего вина для Артаикта и его сына.

Полный меххвати. Я скажу страже, чтобы тебя пропустили. Да факел не забудь – к тому времени, как ты вернешься, уже стемнеет.

Я кивнул и распахнул перед Гиперидом дверь, но он, прежде чем переступить порог, обернулся и задал Артаикту еще один вопрос:

– Интересно, где вы собирались переправляться? В Эгоспотамах?⁷

Артаикт покачал головой:

– Геллеспонт черен от ваших кораблей. Может быть, в Пактии или еще дальше на север... Могу я узнать, почему вас всех так интересует мой друг Эобаз?

⁵ Кир Великий, или Старший, царствовал с 558 по 529 г. до н.э.; основал персидскую державу, захватил Мидию, Лидию и Вавилонию; освободил иудеев из вавилонского плена, восстановил Иерусалим.

⁶ Ксантипп (V в. до н.э.) – греческий полководец, отец афинского государственного деятеля Перикла.

⁷ Эгоспотама (греч. «козья река») – поселение и река на побережье Херсонеса Фракийского у Геллеспонта (Дарданеллы). Здесь в 405г. до н.э. спартанцы одержали победу над афинянами в морском сражении, которым закончилась Пелопоннесская война.

Но вопрос прозвучал слишком поздно: Гиперид был уже за дверью. Я последовал за ним, и солдаты, что охраняли Артаикта (они ждали по ту сторону стены, пока мы не ушли), вернулись на свои посты.

Стены Сеста в разных местах имели разную высоту; здесь, как мне показалось, они были наиболее высокими, по меньшей мере в сотню локтей. Со стены открывался великолепный вид на окрестности города, освещенные закатными лучами солнца, и я задержался на минутку, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Те, кто долго смотрит на солнце, рискуют ослепнуть, это я знал хорошо, а потому смотрел только на землю и яркие облака, но время от времени все же искоса поглядывал и на солнце – там вместо привычной глазу огненной сферы я видел золотую колесницу, влекомую четырьмя могучими конями. Я уверен, что видел бога; ведь точно так же раньше – об этом записано в моем свитке – я видел и прекрасную богиню. Это случилось как раз перед тем, как умер человек, назвавший меня Люцием. Видение божества на колеснице испугало меня, как, видимо, и тогда испугала встреча с богиней, и я поспешил по лестнице вниз и устремился к нашему дому по улицам Сеста (которые показались мне очень темными и чересчур людными, что, несомненно, вообще свойственно подобным городам-крепостям). Лишь отыскав мех с отличным вином и связав вместе несколько лучин, чтоб сделать факел, начал я полностью понимать значение увиденного со стены.

А увидел я вот что: хотя солнце уже почти коснулось горизонта, кони влекли колесницу стремительным галопом. Это выглядело столь естественно, что у меня в тот момент даже и сомнений никаких не возникло, но потом, поразмыслив, я понял: ни один возничий не станет так гнать коней, когда приближается к месту, где намерен остановиться, – как ему потом замедлить их бег без риска повредить колесницу? Хотя в боевые колесницы обычно запрягают всего двух коней, всякий воин знает, что главное преимущество конницы в том, что всадник может остановить и повернуть своего коня гораздо быстрее, чем возничий колесницу.

Стало быть, солнце вовсе не останавливается у западного предела мира, как я всегда полагал, чтобы на следующий день появиться у его восточных границ точно так же, как и все прочие известные звезды исчезают на западе и появляются вновь на востоке? Нет! Солнце, видимо, продолжает мчаться вперед, проходит под нашим миром и вновь появляется на востоке – точно так же, как бегун, который, исчезнув за каким-либо строением, вновь появляется с противоположной его стороны. Я не мог не задуматься над этим. Неужели на обратной стороне нашего мира тоже живут люди, которым солнце необходимо так же, как и нам? Это надо будет хорошенько обдумать, когда выдастся свободная минутка.

Сейчас трудно было бы пытаться привести в порядок свои мысли – некоторые еще не вполне сформировались, а иные были просто глупы. Я снова прошел через весь город и поднялся на башню. Стражники, охранявшие Артаикта, пропустили меня без звука, а один даже принес кратер, чтобы разбавлять водой принесенное мною вино. Пока они занимались этим, Артаикт отвел меня в сторонку и тихо сказал:

– Тебе нет нужды плохо спать, Латро. Помоги нам, и эти болваны никогда не узнают, что ты выступал против них с оружием в руках.

Его слова подтвердили то, что я уже и сам выяснил, прочитав первый свиток: некогда я состоял на службе у царя Персии. Я кивнул и шепотом ответил, что, конечно же, освободил бы их, если б мог.

И тут вернулся Гиперид, весь сияя и неся на веревочке шесть соленых сардин. В помещении для стражи имелась жаровня, чтоб воины могли греться, и он разложил рыбу на углях, следя, чтоб не подгорела.

– По одной на каждого, – сказал он. – Это подкрепит ваши силы. Фруктов в это время года почти нет, да и вообще в Сесте после осады есть почти нечего. Впрочем, если хотите, Латро может сходить в город и попытаться добыть яблок, чтобы было чем закусить, когда покончите с

рыбой. И свежего хлеба неплохо было бы прихватить, Латро. Не ты ли говорил мне, что утром видел уже открытую хлебную лавку?

Я кивнул и напомнил ему, что купил хлеба, когда ходил на рынок.

– Вот и прекрасно! – воскликнул Гиперид. – Теперь, правда, боюсь, лавка уже закрыта, но ведь можно и разбудить хозяина, особенно если ты пару раз ногой в дверь пнешь. – Он подмигнул Артаикту. – Латро отлично умеет драться ногами, а голос у него прямо как у быка, когда разойдется. Ну а теперь...

И тут произошло нечто столь необыкновенное, что я затрудняюсь даже описать это. Боюсь, я и сам себе не поверю, когда стану читать написанное мною впоследствии. Одна из соленых ставрид, принесенных Гиперидом, вдруг шевельнулась!

У Гиперида зрение было, видимо, лучше моего, потому что он вдруг резко замолчал и уставился на жаровню; я же решил, что рыба просто съехала с угольев, на которых лежала. Но секунду спустя заметил, что ставрида бьет хвостом в точности, как только что попавшаяся на крючок; вскоре уже все шесть рыбок бились так, словно их бросили на угли живыми.

Надо отдать должное стражникам: они и не подумали бежать; если бы это произошло, я, наверное, последовал бы их примеру. Что же до Гиперида, то он сильно побледнел и отпрянул от жаровни, как от бешеной собаки. Юный сын Артаикта тоже, видно, испугался, как и все остальные. Спокоен был только Артаикт. Он подошел к Гипериду и, положив ему руку на плечо, сказал:

– Это чудо не имеет к вам никакого отношения. Оно предназначено для меня: Протесилай из Элая⁸ сообщает мне, что, хотя он мертв и высох, как вяленая рыба, боги разрешили ему наказать человека, причинившего ему зло.

Гиперид сглотнул и забормотал:

– Да... это... Именно поэтому они считают, что ты... и твой сын...

Говорят, ты похитил приношения из его гробницы и... вспахал священную землю?...

Артаикт кивнул и поглядел в сторону жаровни; рыбы уже перестали биться, однако при виде их его передернуло, словно от холода.

– Выслушай меня, Гиперид, и обещай: ты передашь Ксантиппу все, что я скажу. Я готов уплатить сто талантов за восстановление священной гробницы Протесилая. – Он помолчал, словно ожидая еще какого-нибудь знамения, но больше ничего не случилось. – И к тому же дам вам, воинам Афин, две сотни талантов, если вы пощадите меня и моего сына. Деньги мои находятся в Сузах, но я оставляю вам в залог своего сына, пока названная сумма не будет выплачена. А она будет выплачена, клянусь Ахура-Маздой, могущественнейшим из богов, полностью выплачена, и золотом.

У Гиперида просто глаза на лоб полезли. Сумма была обещана неслыханная!

Все, разумеется, прекрасно знают, что персы страшно богаты, однако вряд ли кому-то могло прийти в голову, что кто-либо, помимо Великого Царя, владеет таким немислимым богатством.

– Я передам... Я... Завтра... Нет, нынче же вечером... Если...

– Вот и хорошо. Вот и передай. – Артаикт сжал ему плечо и отступил назад.

Гиперид посмотрел на стражников.

– Но мне придется рассказать ему о том, что тут произошло! Латро, я думаю, ты тоже не притронешься теперь к этой рыбе. Меня так от нее просто в дрожь бросает... Наверное, нам пора домой...

И вот теперь мы снова отправляемся в цитадель. Может быть, нам удастся хоть как-то помочь Артаикту и Артембару.

⁸ Протесилай – один из героев троянского цикла, который первым ступил на землю Трои и, соответственно предсказанию оракула, погиб первым (от руки Гектора). Элай – город на юге Херсонеса Фракийского, где находилась гробница Протесилая.

Глава 2

СМЕРТЬ АРТАЙКТА

Сегодня утром меня поднял с постели громкий голос глашатая. Я натягивал сапоги, когда в дверь комнаты, где спим мы с Ио, постучал Гиперид.

– Латро! – позвал он. – Ты не спишь?

Ио села на постели и спросила, в чем дело.

– Артайкта должны казнить нынче утром, – сказал я ей.

– Ты помнишь, кто это?

– Да, – отвечал я, – помню. Я говорил с ним вчера вечером перед тем, как мы с Гиперидом вернулись домой.

Тут на пороге появился сам Гиперид.

– А, так ты уже встал! Хочешь пойти посмотреть на их казнь?

Я спросил, кого еще должны казнить кроме Артайкта.

– Боюсь, что его сына. – Гиперид грустно покачал головой. – Ты ведь помнишь этого мальчика?

Я напряг память.

– Кажется, я видел вчера какого-то ребенка... Мальчика, чуть старше Ио...

– А ты, – Гиперид ткнул пальцем в Ио, – останешься дома, понятно? У тебя есть, чем заняться. И вообще, это зрелище не для юной девицы.

Я последовал за Гиперидом; на улице нас уже ждал чернокожий. Втроем мы отправились на берег, где начинался мост, построенный Великим Царем через Геллеспонт. Именно здесь – об этом все еще продолжали кричать глашатаи и шушукаться жители Сеста – и должен был умереть Артайкт. День был пасмурный и ветреный, с севера, со стороны Первого моря через Геллеспонт все время наплывали серые тучи.

– Этот ветер, – пробормотал Гиперид, – лишнее напоминание, что нам до отъезда отсюда нужно купить новые плащи. А тебе, Латро, плащ просто необходим. Твои лохмотья даже нищему не годятся.

Чернокожий тронул Гиперида за плечо, заглядывая ему в лицо вытаращенными глазами.

– Что? И тебе тоже? Ну конечно куплю! Я же сказал – всем. Плащ нужен даже маленькой Ио.

Чернокожий помотал головой и снова заглянул Гипериду в лицо.

– А, понял! Ты хочешь спросить, куда мы отправимся дальше? Я как раз собирался рассказать вам об этом. Но сперва давайте найдем местечко, откуда будет все видно, а потом поговорим.

К этому времени жители Сеста сгрудились в центре открытой площадки, и воинам Ксантиппа приходилось отгонять их тупыми концами копий. К счастью, кое-кто из воинов узнал Гиперида, и нам без особых хлопот удалось занять места впереди. Смотреть пока было не на что – в центре площадки двое рабов копали яму, по всей видимости, для столба, который принесли с собой.

– Самого Ксантиппа еще нет, – сказал Гиперид. – Значит, начнут нескоро.

Я спросил у него, кто такой Ксантипп.

– Наш стратег, – отвечал он. – Все эти воины подчиняются ему. Разве ты не помнишь? Артайкт ведь упоминал его имя вчера.

Я признался, что не помню. Имя "Артайкт" тоже казалось мне весьма смутно знакомым, хотя глашатаи все время упоминали его; потом я припомнил, что сам недавно сказал Ио о вчерашнем разговоре с человеком по имени Артайкт.

Гиперид задумчиво посмотрел на меня:

– Неужели и про рыбу не помнишь?

Я помотал головой.

– Соленые сардины! Ты знаешь, что такое сардины, Латро?

Я кивнул. Чернокожий тоже.

– Это такие небольшие серебристые рыбки, – сказал я. – Толстенькие такие. Говорят, они очень вкусны.

– Верно.

Между тем из толпы уже послышались выкрики: "Тащите его сюда!", "Где вы его прячете?". Гипериду пришлось повысить голос, чтобы его было слышно.

– Сардины очень жирные, – продолжал он. – Даже если они соленые, жиру в них все равно полно. Вот вы, люди вполне разумные, ответьте мне на один вопрос. Это для меня очень важно, так что сперва подумайте хорошенько.

Мы дружно кивнули в знак согласия.

Гиперид глубоко вздохнул и сказал:

– Если бросить на уголья жаровни соленую сардину – на раскаленные уголья, заметьте! – не может ли получиться так, что когда ее жир растопится и потечет, она как бы вдруг шевельнется? Не может ли растопленный жир брызнуть с такой силой, что перевернет рыбку?

Я уверенно кивнул. Чернокожий только пожал плечами.

– Ага, – сказал Гиперид. – Я присоединяюсь к мнению Латро, а Латро сам вчера видел это, хотя ничего и не помнит.

Тут над толпой поднялся рев.

Чернокожий мотнул головой в сторону толпы, а Гиперид воскликнул:

– Смотрите! Вон они идут – и, хотя каждый из них стоит целую сотню талантов, обоих сейчас зарежут, как баранов! – Он горестно покачал головой.

Мужчине было, по-моему, лет пятьдесят; он был коренастый, крепкий, среднего роста, с бородой стального цвета. Сыну Артаикта на вид было лет четырнадцать; черты его лица еще не сформировались окончательно, как это обычно бывает у подростков; темные глаза казались бездонными. У мужчины руки были связаны впереди.

Их вел высокий, худой человек в доспехах, но без щита и копья. Я не заметил, чтобы он подал какой-нибудь сигнал, но глашатаи вдруг разом завопили: "Молчите! Все молчите! Будет говорить Ксантипп, благородный стратег из Афин!" И когда разговоры в толпе немного стихли, Ксантипп выступил вперед.

– Граждане Сеста! – воззвал он. – Эолийцы, дети ветра! Эллины! – Он говорил громко и четко, видно, что привык командовать войском. – Слушайте меня! Хотя я выступаю перед вами, увы, не от имени всех эллинов.

Это заявление настолько поразило собравшихся, что все тут же умолкли и стали слышны крики птиц над Геллеспонтом.

– Мне жаль, что я вынужден говорить так, – продолжал Ксантипп. – Но не настали еще такие времена, когда брат перестанет наконец поднимать руку на брата.

По толпе пролетел гул одобрения. Когда все снова стихло, Гиперид улыбнулся мне:

– Они, кажется, решили, что мы забудем, как они совсем недавно выступали против нас.

– И все же я обращаюсь к вам, – продолжал Ксантипп, – и горжусь этим! Я представитель афинского собрания, и это мой город вернул вам величайшее сокровище, которым только может обладать человек, – свободу! – Снова последовал взрыв одобрительных выкриков. – Но мы не требуем за это ничего, кроме благодарности. – Громко выраженная благодарность тут же последовала, и Ксантипп заговорил снова:

– Как я уже сказал, я не могу сейчас выступать от имени всех эллинов. Кто знает, каковы планы Коринфа? Мне это неизвестно. Кто знает, на что способен дикий народ Аркадии? Только не я.

О, граждане Сеста! Те спартанцы, что появились здесь, уплыли на своем корабле еще до того, как город был освобожден, вы сами это знаете. Что же касается Фив, то всем ли известно, что его воины, славящиеся своей жестокостью, выступали заодно с варварами? – Эти слова вызвали в толпе ропот возмущения, а Гиперид прошептал: "Бей сильнее, Ксантипп, они еще дышат!" – Многие из моих друзей-храбрецов – а они были и ваши друзья, не забывайте об этом! – пали в великой битве при Платеях. И пали они вовсе не под стрелами варваров, но от копий конников Асоподора из Фив.

Толпа испустила такой стон, будто тысяча женщин одновременно начали рожать. Я еще подумал, что в какой-то степени это так и есть – возможно, в грядущие столетия люди будут считать, что сегодня на свет родилось нечто совершенно новое и произошло это здесь, на узкой полоске земли, далеко врезавшейся в воды Геллеспонта.

– Но у моего родного города есть и другие храбрые сыновья, их много, и если у вас возникнет в них нужда – только позовите, и они явятся немедленно! – Восторженные вопли были Ксантиппу ответом. – А теперь к делу! Все мы здесь – и вы, и я – слуги богов. Мне нет нужды перечислять все прегрешения и преступления Артаикта. Вам они известны лучше, чем мне.

Многие говорили мне, что его выгоднее было бы отправить в Персию, раз он готов заплатить богатый выкуп.

Тут мне показалось, что Ксантипп метнул быстрый взгляд в сторону Гиперида, хотя сам Гиперид этого не заметил.

– Но я отверг все подобные предложения! – Толпа ревом выразила свое одобрение. – И все же, прежде чем свершится правосудие, мы поступим так, как всегда поступают свободные люди, – мы проголосуем! В моем родном городе, где изготавливают немислимое количество всяких ваз, урн, тарелок и прочей глиняной посуды, мы обычно голосуем с помощью черепков. Каждый гражданин может нацарапать на черепке инициалы того кандидата, за которого он отдает свой голос. В Сесте, как мне говорили, есть традиция голосовать с помощью камней – белый камень означает "да", черный – "нет". Так что сегодня вы снова будете голосовать с помощью камней. Мальчик, что стоит рядом со святотатцем Артаиктом, – его сын! – Ксантипп указал на Артембара.

Толпа негодуяще загудела, а какой-то мужчина слева от меня даже погрозил кулаком. – Граждане Сеста, вы сами определите, жить ему или умереть. Если вы пожелаете, чтобы он жил, отойдите в сторону и дайте ему бежать. Но если хотите, чтоб он умер, преградите ему путь и бросьте в него камень. Выбор за вами!

Ксантипп махнул рукой воинам, стоявшим возле Артаикта и его сына, один из них сказал что-то на ухо мальчику и шлепнул его по спине. Ксантипп, видимо, полагал, что мальчик бросится сквозь толпу, но он бросился прочь от толпы по сужающейся полоске земли – прямо к морю. Наверное, надеялся спастись вплавь, если успеет достигнуть воды.

Но воды он не достиг. Вслед ему тотчас полетели камни, несколько мужчин бросились вдогонку. Я видел, как мальчик упал, когда ему в голову попал камень величиной с мой кулак. Он сумел подняться, шатаясь, сделал еще несколько шагов и снова упал – в него попало не менее полусотни камней.

Надеюсь, он умер быстро, хотя и не могу судить, когда именно он испустил дух; несомненно одно: многие продолжали кидать в него камни и после того, как он уже был мертв.

Что же касается его отца, то после того, как он стал свидетелем гибели собственного сына, его опрокинули спиной на столб и прибили к этому столбу – вбив гвозди в обе щиколотки и в оба запястья; затем столб подняли вертикально и нижний его конец опустили в вырытую яму, засыпали песком и камнями и укрепили. Некоторые женщины начали было швырять камни и в него, но воины заставили их прекратить это, опасаясь, что камни попадут в стражников, выставленных Ксантиппом для охраны казненного.

– Пошли, – сказал Гиперид. – Представление окончено, а мне еще надо много чего успеть. Ты, Латро, ступай на рынок и купи плащи, о которых я тебе говорил. Сумеешь? Я дам тебе денег.

Я сказал, что сумею, если такие плащи есть на рынке.

– Наверняка, – успокоил меня Гиперид. – Возьми с собой чернокожего и Ио, пусть сами себе выберут. Слишком большие не бери, с длинным плащом и в беду недолго попасть. Да, вот еще что: мне купи что-нибудь поярче. Только не красный – пусть уж спартанцы носят красные плащи! – хотя вряд ли кто-нибудь примет меня за спартанца, как мне кажется. И не желтый – желтые слишком быстро выцветают. Пусть будет синий или зеленый, побогаче на вид, если у них подходящий найдется. И смотри, чтоб по длине мне подходил. – Он был на полголовы ниже и меня, и чернокожего. – И потолще выбирай, потеплее!

Я кивнул, и он выдал мне четыре серебряные драхмы. Чернокожий тронул его за плечо и показал, будто тянет за веревку.

– А, ты насчет отъезда! Ты прав. Я же обещал рассказать вам. Ну, это очень просто. Вы ведь оба знаете про мост, построенный Великим Царем?

– Да, я помню, глашатаи кричали, что казнь состоится как раз возле начала этого моста, – сказал я. – Наверное, армия Великого Царя шла по той самой дороге, по которой сейчас идем мы?

– Совершенно верно. Этот мост был построен из лодок, из сотен лодок, и все они были связаны длинными канатами, а сверху накрыты настилом из досок. Этот мост продержался почти год, насколько мне известно, пока штормом не разорвало канаты. Персы так и не стали его чинить, но канаты собрали и сложили здесь, в Сесте. Они, должно быть, стоят очень дорого.

Конечно, их можно было бы распустить, если бы Великий Царь вновь приказал построить мост... Ксантипп даже хочет увезти эти канаты с собой в Афины, чтобы похвастаться. Вот уж там удивятся! Ведь у нас никто никогда не видывал канатов такой толщины. – И Гиперид показал, каковы были эти канаты; даже если он вдвое преувеличивал их толщину, все равно это было что-то невероятное. – Ну так вот, – продолжал он. – Первый вопрос, который здесь заинтересовал буквально всех: кто сделал эти канаты и что с ним стало потом. Ксантипп поручил мне выяснить это, и я узнал, что отвечал за подготовку моста человек по имени Эобаз, один из тех варваров, что сумели перелезть через стену и бежать из города, – это пытался сделать и Артаикт.

И вот вчера ночью, Латро, Артаикт сообщил мне, что беглецы собирались отправиться на север и добраться, вероятно, до самой стены Мильтиада⁹.

Ксантиппу очень хотелось бы выставить этого Эобазу вместе с его канатами всем афинянам на обозрение. Так что мы отправляемся в погоню, как только "Европа" будет готова к отплытию.

Я спросил, когда это произойдет.

– Завтра после полудня, надеюсь. – Гиперид вздохнул. – Что, по всей вероятности, означает, что отплываем мы послезавтра. "Европу" уже почти закончили конопатить. Потом надо погрузить припасы. Но я еще не все получил, да так и не получу, если буду продолжать болтать здесь с вами.

Так что отправляйтесь-ка за плащами, а когда вернетесь, начинайте складывать вещи. Скорее всего, мы сюда уже не вернемся.

И он поспешно направился в доки, а мы с чернокожим вернулись в Сест и пошли к дому, где провели нынешнюю ночь, чтобы забрать с собой Ио.

Однако в доме никого не оказалось.

⁹ Мильтиад – командующий греческими силами в битве при Марафоне; построил стену поперек Херсонеса Фракийского для охраны своих тамошних владений.

Глава 3 ПРОИЦАТЕЛЬ

Эгесистрат прервал было меня, но теперь я снова вернулся к своим записям. Сейчас уже поздно, и все остальные уже спят, но Ио сказала, что, когда взойдет солнце, я забуду все, что видел и слышал сегодня, поэтому мне хочется непременно успеть все записать.

Когда мы с чернокожим вернулись в наш дом и обнаружили, что Ио нет, я очень встревожился. Хотя я и не могу вспомнить, как ко мне попала эта рабыня, но знаю, что люблю ее. Чернокожий засмеялся, глядя на мою мрачную физиономию, и знаками объяснил, что Ио, видимо, все-таки решила пойти следом за нами, чтобы увидеть казнь Артаикта. Я был вынужден признать, что он, скорее всего, прав.

Мы опять вышли из дома и отправились на рынок. Сразу в нескольких лавках в переднем ряду мы нашли множество подходящих плащей. Я выбрал грубые, некрашенные плащи для чернокожего, для Ио и для себя. Они были совершенно новые, сделанные из невыттой шерсти и настолько плотные, что не промокли бы в любой дождь. Я понимал, что хороший крашенный плащ, какой хотел для себя Гиперид, будет стоить дорого, поэтому долго торговался, покупая нам простые плащи, а чернокожий при этом (а он, как мне кажется, умеет торговаться куда лучше, чем я) все время что-то говорил лавочнику на неведомом мне языке. Вскоре я понял, что лавочник-то как раз этот язык понимает, хоть и притворяется, что не знает на нем ни слова. В конечном счете даже я начал понимать некоторые слова – "зилх", например, означало "дешево", а "сель" – "шакал", и это последнее слово особенно лавочнику не понравилось.

Пока мы с ним препирались, я высматривал плащ для Гиперида. Яркие плащи казались мне слишком тонкими. Но наконец я обнаружил теплый плащ ярко-синего цвета и подходящего размера, сделанный из тонкой мягкой шерсти. Я указал на него лавочнику, который к этому времени, должно быть, весьма утомился от споров с чернокожим. Так вот, я вытащил четыре серебряные драхмы и объяснил, что это все деньги, какие у нас имеются, и я хотел бы купить на них эти четыре плаща.

(Это было не совсем правдой: я ведь знал, что у чернокожего тоже есть какие-то деньги, однако он вовсе не собирался тратить их на плащи. Да и с собой он их наверняка не прихватил.) Пусть отдает нам выбранные плащи за четыре драхмы, сказал я торговцу, и мы отлично договоримся. Если же он не согласен, тогда нам придется поискать товар в ином месте. Он долго рассматривал монеты, потом взвесил их, а мы с чернокожим внимательно следили, чтоб он не подменил их. В конце концов он заявил, что не может отдать целых четыре плаща за такую цену и что синий плащ стоит по меньшей мере две драхмы, но, если мы хотим, отдаст нам серые плащи, по драхме за каждый.

Я отвечал, что мы не можем отказаться даже от самого маленького плаща, который нам нужен для ребенка, после чего мы отправились в другую лавку и начали всю процедуру сначала. И только тут я понял – из намеков, которые делал хозяин лавки, – насколько нервничают эти торговцы, не зная, уйдут афинские воины из Сеста или останутся. Если останутся, лавочники могут рассчитывать на хорошую торговлю, ведь у большинства воинов есть деньги, а также немало награбленного добра. У некоторых денег даже очень много. Но если афиняне уйдут, а персы снова вернутся и начнут осаду города, всякой торговле конец, потому что все станут экономить деньги на еду, зная, что осада может затянуться. Догадавшись об этом, я умышленно упомянул вслух, что завтра мы отплываем, и цена на зеленый плащ, который я торговал, тут же значительно упала.

В этот момент в лавку вошел первый торговец, с которым мы торговались раньше (владелец второй лавки, судя по его виду, готов был просто убить его), и сказал, что передумал: мы можем забрать все четыре плаща за четыре драхмы. Мы вернулись в его лавку, и он уже протя-

нул было руку за деньгами, но тут я решил немного наказать за то, что он заставил нас так долго торговаться. Я начал снова рассматривать плащи и как бы ненароком спросил у чернокожего, как, по его мнению, подойдет ли синий плащ Гипериду, ведь плавание нам предстоит долгое.

Торговец прокашлялся.

– Так вы отплываете? – спросил он. – И ваш капитан – Гиперид?

– Совершенно верно, – отвечал я. – Но другие корабли пока что с якоря не снимаются. Они останутся здесь еще по крайней мере на несколько дней.

Тут торговец удивил меня и, надо думать, чернокожего тоже, спросив вдруг:

– Этот Гиперид... он ведь лысый, верно? И такой круглолицый? Погодите, он же говорил мне, как называется его корабль... "Европа", да?

– Да, – отвечал я. – Он наш капитан.

– Ох! Вот как. Знаете, мне, может, и не следовало бы вам это говорить, но если вы намерены купить этот плащ для него, тогда у него будет сразу два новых! Он заходил сюда следом за вами и заплатил мне целых три драхмы за роскошный красный плащ. – Торговец забрал у меня синий плащ и расправил его. – А этот вообще-то для более высокого человека.

Мы с чернокожим переглянулись, явно ничего не понимая.

Торговец достал восковую табличку и стилъ:

– Я вам выпишу счет за покупку. А вы можете приложить к нему свой знак.

Скажите капитану, если он захочет вернуть синий плащ, я отдам ему деньги.

Цена будет здесь указана.

И он начал царапать на табличке; когда он закончил, я написал свое имя – "Латро" – против каждой строчки его записей, пользуясь той же системой знаков, что и здесь, в своем дневнике. Я старался писать как можно ближе к его словам, чтобы мое имя тоже наверняка стерлось, если он нагреет табличку, чтобы стереть свои записи. Потом мы с чернокожим отнесли плащи домой и принялись паковать вещи. Я все надеялся, что Ио вот-вот вернется, но она не появлялась.

Когда мы покончили со сборами, я спросил чернокожего, что он собирается теперь делать, и он показал мне знаками, что хотел бы уйти в свою комнату и немного поспать. Я сказал, что, пожалуй, поступлю так же, и мы разошлись. Через несколько минут я, стараясь не шуметь, снова otvorил дверь своей комнаты, надеясь потихоньку выбраться наружу, и увидел, как чернокожий делает то же самое, стараясь "не разбудить" меня. Я улыбнулся и покачал головой, он улыбнулся в ответ, и мы вместе отправились на берег в надежде отыскать Ио.

По крайней мере, насколько я мог судить, таково было единственное намерение чернокожего. Я же, должен признаться, преследовал двойную цель: мне хотелось попытаться, если это будет возможно, еще и освободить Артаикта.

Когда мы приблизились к месту казни, то встретили нескольких припозднившихся зевак, и один из них сказал нам, что Артаикт уже мертв. С виду он казался вполне разумным, и я спросил, откуда ему это известно. Он ответил, что воины тыкали казненного остриями копий, но тот даже не вздрогнул, и тогда один из стражников воткнул ему копье в живот, чтобы увидеть, пойдет ли кровь; крови вытекло совсем немного, и стало ясно, что сердце Артаикта уже не бьется.

Чернокожий показал мне знаками, чтоб я попытался что-нибудь узнать насчет Ио. Я спросил этого прохожего насчет девочки, и он ответил, что единственным ребенком, которого он здесь видел, была молоденькая девушка, которая пришла сюда вместе с хромым мужчиной. Вряд ли Ио можно было назвать девушкой (я ее хорошо помню, я ведь говорил с ней нынче утром), и мы пошли дальше, а я спросил у чернокожего, не знает ли он, что это мог быть за хромой мужчина. Он отрицательно покачал головой.

И все же это была Ио! Я узнал ее сразу. Только она, какой-то мальчик, стражники и тот хромой мужчина все еще стояли у мертвого тела Артаикта.

Мужчина опирался на костыль, и я увидел, что у него нет правой ступни, а вместо нее к икре привязана деревяшка, крепившаяся с помощью ремней, как сандалия. Хромой плакал, а Ио старалась его утешить. Увидев нас, она заулыбалась и помахала рукой.

Я сказал, что ей не следовало нарушать приказ Гиперида, и прибавил, что, хоть я ее за это бить и не буду, Гиперид может и выпороть. (Я, впрочем, не стал ей говорить, что, если бы Гиперид вздумал наказать ее слишком строго и жестоко, я бы мог и убить его. После чего меня, по всей вероятности, тоже убили бы афинские воины.) Ио объяснила, что вовсе не хотела проявлять непослушание и просто сидела на крыльце, когда увидела хромого человека, который показался ей таким усталым и опечаленным, что она решила немного его утешить, а он попросил ее проводить его к месту казни, поскольку его протез и костыль сильно вязли в песке. Так что, заявила Ио, она пошла вовсе не для того, чтобы смотреть, как казнят Артаикта – ведь ей запретил это Гиперид, – а просто помогла немного хромому эллину, чего Гиперид ей, конечно же, запрещать не стал бы.

Чернокожий, слушая все это, заулыбался, и мне тоже пришлось признать, что все это не лишено смысла. Хромому я сказал, что Ио пора возвращаться домой, но мы проводим и его, если ему тоже нужно назад, в Сест.

Он кивнул и поблагодарил меня, а я позволил ему опереться на мою руку.

Сознаюсь, мне было любопытно узнать, кто он такой, этот эллин, что оплакивал казненного мидийца. Отойдя немного от места казни, я спросил, что он знает об Артаикте и что это был за человек.

– Он был мне лучшим другом, – отвечал хромой. – Последним, какой у меня остался в здешних краях.

– Но разве вы, эллины, не сражались против персов? – спросил я. – Разве память изменяет мне и это было совсем не так?

Он покачал головой и ответил, что отнюдь не все города воевали с Великим Царем, причем некоторые поступили очень неумно. Никто, добавил он, не сражался так храбро и беззаветно при Саламине, как царица Артемизия, правительница одного эллинского города – союзника Великого Царя¹⁰. А в битве при Платеях, добавил он, фиванская конница была самой храброй из храбрых, а священная дружина из Фив билась до последнего.

– Я тоже из Фив, – гордо сообщила ему Ио.

Он улыбнулся ей и вытер глаза.

– Я уже это понял, милая; тебе достаточно заговорить, чтобы это сразу стало ясно. Сам-то я с острова Закинф. Знаешь, где это?

Ио отрицательно помотала головой.

– Это маленький остров на западе. Может быть, именно потому, что он такой маленький, все у нас считают его самым красивым островом на свете.

– Надеюсь, что когда-нибудь тоже его увижу, – вежливо сказала Ио.

– Я тоже надеюсь когда-нибудь снова увидеть свой родной остров. Когда смогу без опаски туда вернуться. – И он добавил, повернувшись ко мне:

– Спасибо, что помог мне, теперь я смогу идти сам, – кажется, дорога уже вполне твердая.

Я был так занят собственными мыслями, что едва расслышал его слова.

Если он действительно был другом Артаикта (а здесь ни один эллин не станет зря говорить такое), то, вполне вероятно, он знал и Эобаза, за которым мы вскоре отправимся в погоню. Более того, он мог бы помочь мне спасти его, если это будет необходимо. Он хоть и калека и в бою от него проку мало, но, подумал я, в схватке нужны не только мечи да копья; к тому же если Артаикт был ему другом, то, видимо, считал его в чем-то полезным и нужным.

¹⁰ Артемизия – правительница города Галикарнас, которая с пятью военными кораблями участвовала в Саламинской битве (480 г. до н.э.) на стороне персов и своим мужеством заслужила похвалу Ксеркса.

С этими мыслями я и предложил ему наше гостеприимство в доме, который захватил Гиперид, упомянув, что там много всякой еды и хорошее вино, а потом предложил ему у нас и переночевать, если Гиперид позволит.

Он поблагодарил и сказал, что деньги у него есть, поскольку Артаикт не раз щедро награждал его, а остановился он в одном зажиточном доме, где ему вполне удобно.

– Меня зовут Эгесистрат, – сказал он. – Эгесистрат, сын Теллиаса, хотя известен я теперь под именем Эгесистрата из Элиды¹¹.

– А мы были в Элиде! – воскликнула Ио. – На пути к... в общем, на север. Там царь Павсаний принес жертву богам. Латро об этом не помнит, но чернокожий и я помним. А почему ты говоришь, что ты из Элиды, если назвал своей родиной Закинф?

– Потому что так получилось, – отвечал ей Эгесистрат. – Я оттуда недавно. Моя семья происходит из Элиды, но это история не для молодой девушки, даже если она из Фив.

– Меня зовут Латро, – сказал я. – Ио, я полагаю, ты уже знаешь. Имени нашего чернокожего друга мы не знаем – мы не говорим на его языке, – но можем за него ручаться.

Эгесистрат несколько секунд смотрел прямо в глаза чернокожему – мне показалось, ужасно долго, – а затем заговорил с ним на каком-то языке (думаю, именно на этом языке чернокожий торговался с лавочником), и чернокожий стал ему отвечать, а потом прикоснулся ко лбу Эгесистрата, а тот – к его лбу.

– Это язык арамейев, – сказал мне Эгесистрат. – По-арамейски имя твоего друга означает "Семь Львов".

Мы к тому времени уже почти добрались до городских ворот, и он спросил меня, далеко ли находится дом, о котором я говорил. Я сказал, что на следующей улице.

– А я живу по ту сторону рынка, – сказал он. – Нельзя ли мне немного передохнуть у вас и выпить с вами вина? От ходьбы у меня культя разболелась. – Он кивнул на свою искалеченную ногу. – Я был бы вам очень признателен.

Я сказал, что он может оставаться у нас сколько угодно, и спросил, какого он мнения о моем мече.

¹¹ Элида – местность на северо-западе Пелопоннеса. Известна своим коневодством. В Элиде преобладало крупное землевладение; до 420 г. до н.э. она была союзницей Спарты, играя второстепенную роль.

Глава 4

ПОКРОВИТЕЛЬСТВО БОГОВ

Эгесистрат долгое время провел на стене, наблюдая за полетом птиц¹². И теперь говорит, что наше плавание будет успешным и поэтому он отправляется с нами. Гиперид пытался узнать у Эгесистрата, найдем ли мы того человека, за которым гонимся, сумеем ли доставить его к Ксантиппу и как экклесия¹³ наградит нас за это; однако Эгесистрат не ответил ни на один из этих вопросов под тем предлогом, что говорить больше, чем знаешь, значит самому себе рыть яму. Мы с ним потом еще немного побеседовали, но теперь он уже ушел.

Странная вещь случилась, когда мы – чернокожий, Ио и я – в первый раз пили с ним вино; я этого понять так и не смог, так что просто опишу здесь все это, не высказывая собственной точки зрения.

Мы сидели и болтали, а я между тем почему-то все чаще возвращался мыслями к своему мечу. Утром, надевая чистый хитон, я видел его – он лежал на сундуке; и потом он мне тоже без конца попадался, когда мы с чернокожим укладывали вещи; но тогда я особого внимания на него не обращал. А сейчас я с трудом мог усидеть на месте: мне все казалось, что его у меня украли.

А потом вдруг подумал, что этот меч, должно быть, непростой, и Эгесистрат, наверное, мог бы многое прояснить на сей счет.

Как только мы смешали вино с водой, я встал, сбегал в свою комнату и принес меч. Я уже собрался передать его Эгесистрату, но тот вдруг ударил меня по руке костью, и меч упал на пол. Чернокожий вскочил и замахнулся табуреткой, Ио закричала.

Только Эгесистрат продолжал спокойно сидеть и даже с места не двинулся.

Он велел мне поднять меч и убрать его в ножны. (Меч так глубоко вонзился острием в пол, что пришлось вытаскивать его обеими руками.) У меня было странное ощущение, будто я только что проснулся после глубокого сна.

Чернокожий что-то кричал мне, тыкая пальцем в вино, затем громко заговорил с Эгесистратом, указывая на меня и на потолок. Эгесистрат пояснил:

– Он хочет напомнить тебе, что гость священен. Боги, говорит он, накажут того, кто зовет незнакомого человека в дом, а потом без причины причиняет ему вред.

Я растерянно кивнул.

– Латро же все забывает! Иногда... – прошептала Ио.

Но Эгесистрат жестом велел ей умолкнуть.

– Латро, что ты хотел сделать? – спросил он.

Я сказал, что хотел лишь показать ему меч.

– И по-прежнему этого хочешь?

Я кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – В таком случае я погляжу. Вынь его из ножен и положи на стол.

Я сделал, как он сказал. Он возложил обе руки на клинок и закрыл глаза.

Так он сидел довольно долго – я успел как следует растереть ушибленную руку и допить вино, прежде чем он снова открыл глаза и снял руки с клинка.

– Ну и что? – спросила Ио.

Мне показалось, что Эгесистрата бьет дрожь.

¹² Один из видов мантики, искусства гадания и предсказаний. Гадание по полету птиц называется ауспицией.

¹³ Экклесия (греч. «народное собрание») – верховная политическая власть в античном мире, при которой все свободные и полноправные граждане имели право голоса.

– Знаете ли вы, – сказал он, – что божественное прикосновение оставляет неизгладимый след и может передаваться, как передается болезнь?

Мы молчали.

– Да, это так. Прикоснись к прокаженному, и вполне можешь потом тоже заболеть. Кончики твоих пальцев побелеют или на щеке – там, где ты ее почесал, – появится пятно... Так и со следами богов. В Речной стране есть храмы, где жрецы, окончив службу, обязаны вымыться и переодеться, прежде чем покинут храм, хотя боги, в большинстве случаев, на службе в храме не присутствуют. – Эгесистрат вздохнул. – Этим мечом, я думаю, некогда владел какой-то бог. Может быть, не самый могущественный, но бог! – Он вопросительно посмотрел на меня, но я лишь покачал головой. – Ты им кого-нибудь убивал, Латро?

– Не знаю, – сказал я. – Наверное.

– Ты убил им нескольких спартанцев... – начала было Ио, но зажала себе рот ладошкой.

– Он убивал спартанцев? – переспросил Эгесистрат. – Мне ты можешь сказать об этом без опаски: я им вовсе не Друг.

– Несколько рабов Спарты, – объяснила Ио. – Они нас однажды захватили в плен, но сперва Латро и чернокожий многих из них уложили.

Эгесистрат пригубил вино.

– Это, по всей видимости, было далеко отсюда?

– Да, далеко. В Беотии.

– Это хорошо, потому что мертвые тоже могут ходить. Особенно те, что пали от этого клинка.

Я вздрогнул и оглянулся, услышав шаги Гиперида. Он был удивлен, увидев в нашем доме Эгесистрата, но я представил их друг другу, и Гиперид радушно приветствовал гостя.

– Надеюсь, вы извините меня за то, что я не встаю, – сказал Эгесистрат.

– У меня ноги нет.

– Конечно, конечно! – воскликнул Гиперид. Чернокожий принес ему табуретку, и он сел. – Я тоже чуть не охромел – все ноги себе отбил, целый день по городу мотаюсь.

Эгесистрат понимающе кивнул:

– А знаешь, я ведь и еще по одной причине должен перед тобой извиниться. Представляя меня, мой друг Латро сказал, что я Эгесистрат с Закинфа. Это правда; я родился на этом острове, там и вырос, только по-настоящему я Эгесистрат, сын Теллиаса... – Гиперид вздрогнул. – А еще больше я известен как Эгесистрат из Элиды.

– Так это ты был прорицателем и советником Мардония в битве при Платеях? – вымолвил Гиперид. – Это ты советовал ему не наступать?... Мне говорили...

Эгесистрат утвердительно кивнул и спросил:

– Неужели, по твоему мнению, это означает, что я преступник? Если так, то я в твоей власти. Эти люди послушны тебе, и один из них вооружен мечом.

Гиперид глубоко вздохнул.

– Мардоний мертв. Думаю, не стоит беспокоить мертвых.

– Я бы тоже не стал. Пусть покоятся с миром.

– Если мы станем мстить всем, тогда придется, например, почти все население этого города обратить в рабство. Кто же останется? Кто будет защищать стены от воинов Великого Царя? Даже сам Ксантипп так считает.

Я наполнил чашу вином и подал ему.

– А не знаешь ли ты, как экклесия намерена поступить в отношении Фив? – спросил Гиперид. Эгесистрат лишь головой покачал. – Они хотели сровнять наш город с землей! И продать всех жителей Беотии в рабство финикийцам в пурпуровых плащах. Я вообще-то кожами торгую. В мирное время, конечно.

Можешь себе представить, если бы меня продали в рабство, какой урон это нанесло бы торговле кожами? – Было довольно прохладно, но Эгесистрат провел по лбу рукой, словно отирая пот. – Только спартанцы смогли их удержать от подобного шага... Боги свидетели, я вовсе не друг спартанцам... Ты что это хихикаешь, моя милая?

– Ты говоришь теми же словами, что и Эгесистрат, – отвечала Ио. – Перед тем, как ты пришел, он сказал то же самое. Говорят, это счастливая примета.

– Конечно! – И, повернувшись к Эгесистрату, Гиперид спросил:

– Значит, ты тоже так считаешь? Уж ты-то должен знать.

– Да, это правда, – кивнул прорицатель. – Всегда хорошо, когда люди мыслят и говорят одинаково.

– Наверное, ты прав. – Гиперид оживился. – Теперь вот что: я капитан "Европы", мы собираемся отплыть завтра утром. Сколько ты с меня возьмешь за предсказание? Хотелось бы знать, как боги отнесутся к нашему плаванью и какие опасности встретятся нам в пути.

– Ничего не возьму, – ответил Эгесистрат.

– Ты хочешь сказать, что не станешь ничего предсказывать?

– Я хочу сказать только то, что сказал. Я сообщу тебе все, что ты хочешь узнать, но ничего не возьму в уплату за это. Ты ведь намереваешься проплыть по Геллеспонту в поисках Эобазы?

Гиперид был потрясен. Я тоже.

Эгесистрат улыбнулся:

– Здесь нет никакой тайны, – сказал он. – Можете мне поверить. Просто Артаикт перед смертью сообщил мне, что ты расспрашивал его об Эобазе. Ио может это подтвердить.

– Дело в том, – пояснил я Гипериду, – что мы с чернокожим, закончив укладывать вещи, вернулись на берег в поисках Ио. Но Артаикт к тому времени был уже мертв, и возле него никого не осталось, кроме Эгесистрата, который оплакивал Артаикта, Ио и солдат. Мы познакомились с ним...

– И я все еще оплакиваю Артаикта, – прервал меня Эгесистрат. – А ты, разумеется, решил, что неплохо было бы расспросить того, кто знал Эобазу лично. Ты совершенно ясно дал это понять, когда Ио ходила за водой и за этим прекрасным вином. Что ж, хорошо. Эобаз – мидиец, не перс; впрочем, мы, эллины, часто называем мидийцами персов; только он настоящий мидиец.

Ему около тридцати пяти лет, он очень высокий и очень сильный. Прекрасный наездник. На правой щеке – длинный шрам, частично скрытый бородой. Он рассказывал мне, что получил его еще в детстве, когда, пустив лошадь галопом, пытался побыстрее миновать густые заросли. А теперь, Гиперид, я хотел бы узнать, зачем ты до сих пор болтаешься в Сесте? Я полагаю, большую часть всего, что тебе необходимо для плавания, можно было бы уже с легкостью достать – или же, напротив, достать будет совершенно невозможно.

Это совершенно очевидно. Так что же ты такое ищешь, если оно представляется возможным, но отчего-то недоступным тебе?

– Мне нужен человек, – отвечал Гиперид, – который хорошо знал бы диалекты северных племен и их обычаи, а также выразил бы готовность плыть с нами. Я полагаю, Эобаз либо уже достиг пределов Империи и находится в безопасности, либо был задержан в одном из северных городов – что было бы нетрудно, либо попал в плен к кому-то из варваров по эту сторону Мраморного моря. Как раз там можем попасть в беду и мы, вот почему я хотел бы на всякий случай принять меры.

Эгесистрат погладил свою бороду – черную, курчавую и очень густую – и сказал:

– Такого человека ты уже нашел.

Вскоре он удалился, а чернокожий принялся готовить еду. Ио отвела меня в сторонку и спросила:

– Хозяин, неужели ты и впрямь собирался его убить?

– Конечно же нет!

– А мне показалось... Ты так стремительно ворвался в комнату, размахивая своим мечом, словно голову ему хотел снести. И, наверное, снес бы, если б он не увернулся.

Я снова объяснил, что всего лишь хотел показать Эгесистрату меч, но явно ее не убедил. Потом Ио принялась расспрашивать меня о том, что мы с чернокожим сегодня делали. Отвечая на ее многочисленные вопросы, я вспомнил, что так и не показал Гипериду плащи, которые мы купили. Так что, удовлетворив наконец любопытство Ио, я вытащил плащи, и они Гипериду вроде бы понравились, но он и словом не обмолвился о красном плаще, так что я решил и не спрашивать его об этом.

После того как мы поели, Ио принесла мне мой свиток и посоветовала записать все, что произошло сегодня; она была уверена, что это нам очень пригодится потом. Я так и сделал, подробно записав все, что казалось важным, стараясь как можно лучше передать на своем родном языке то, что услышал и увидел за этот день.

Итак, как я уже успел записать, мое занятие прервал Эгесистрат, который хотел выяснить, где мы с Ио были, когда спартанцы взяли нас в плен, а когда понял, что я не смогу ему это объяснить, разбудил Ио и стал расспрашивать ее. Потом заявил, что пойдет на стену – наблюдать за полетом птиц; было уже довольно темно, и птицы почти не летали, за исключением некоторых. Эгесистрат долгое время не возвращался, а вернувшись, сообщил Гипериду, что боги благоприятствуют нашему путешествию и он поплывет с нами, если Гиперид того хочет. Гиперид был страшно доволен и забросал его вопросами, но он ответил всего на два-три из них, да и то Гиперид мало что понял.

В конце концов Гиперид отправился спать, а Эгесистрат присел рядом со мной у огня и сказал, что ему очень хочется почитать мой свиток. Я пообещал прочитать ему свои записи, если они так ему интересны, и добавил, что у меня в сундучке есть еще один свиток, весь уже исписанный.

– Может быть, потом, вскоре, я попрошу тебя об этом, – сказал Эгесистрат. – Ио говорила, что ты ничего не помнишь, вот я и гадаю, насколько это действительно так.

– Да, это так, – сказал я. – По крайней мере, в отличие от других, я не помню событий даже минувшего дня. Мне это кажется странным, тем более что есть некоторые вещи, которые я помню хорошо – отца, мать, родной дом...

– Понятно, – кивнул он. – А ты не помнишь, как подружился с Павсанием из Спарты?

Я ответил, что припоминаю, как Ио говорила о нашем пребывании в Элиде и о том жертвоприношении богам, которое мы совершили вместе с Павсанием. А потом спросил, настоящий ли царь этот Павсаний.

Эгесистрат покачал головой:

– Нет, не настоящий, хотя его часто называют царем. Спартанцы привыкли, чтобы у них был царь, точнее, предводитель; а поскольку именно Павсаний сейчас предводительствует ими, они и называют его царем. На самом же деле он всего лишь регент и правит вместо малолетнего царя Плейстарха, которому приходится дядей.

Я предположил, что поскольку этот Павсаний подружился с Ио, с чернокожим и со мной, значит, он, наверное, добрый человек.

Эгесистрат долго молчал, глядя в огонь и словно что-то читая в языках пламени. В конце концов он ответил:

– Если бы он принадлежал к иному народу, я бы скорее назвал его злым.

Послушай, Латро, если ты не помнишь Павсания, то, может быть, вспомнишь Тизамена из Элиды?

Но я и Тизамена не помнил и спросил Эгесистрата, не родственник ли он ему, поскольку оба они из Элиды.

– Родственник, но очень дальний, – отвечал Эгесистрат. – Наши семьи ведут свое происхождение от одного предка, но давно рассорились. Они стали соперничать еще в Золотой век, когда боги жили рядом с людьми.

– Жаль, что теперь не Золотой век, – сказал я. – А то я пошел бы к кому-нибудь из богов и попросил сделать меня таким, как все.

– Не настолько уж ты ото всех отличаешься, да и непросто человеку заслужить благорасположение богов; боги не часто покровительствуют смертным.

Сердце подсказывало мне, что он прав.

– Ио говорила, что ты и так можешь видеть богов, – заметил Эгесистрат.

– Я тоже иногда вижу их.

Я признался, что не помню об этой своей особенности.

– Наверное, во многих случаях я был бы куда счастливее, если б мог забывать увиденное так же быстро, как ты, – сказал Эгесистрат, некоторое время помолчал и заговорил снова:

– Возможно, Латро, это Тизамен, который ненавидит меня, опутал тебя своими чарами. Ты мне позволишь их нарушить, если я буду в силах сделать это? – При этом он стал раскачиваться из стороны в сторону, точно молодое деревце под ветром. Обе руки он поднял кверху, растопырив пальцы веером...

И вот теперь, хотя я помню все его вопросы, я совсем забыл, что отвечал ему. Он давно ушел, а я все сижу и смотрю на нож, которым собирался заточить свой стиль. Нож весь в крови.

Глава 5 НА КОРАБЛЕ

«Европа» покинула Сест сегодня, уже ближе к закату. Мы могли бы отплыть значительно раньше, но наш капитан Гиперид придирался то к одному, то к другому, пока на борт не поднялся хромой и, по-моему, больной старый эллин. После чего капитан придирается перестал.

Из гавани мы вышли на веслах. Это тяжелая, однако довольно приятная работа. Очувшись на просторах Геллеспонта, мы поставили парус; при столь мощном западном ветре грести не было необходимости. Матросы говорят, что берега на восток от нас принадлежат империи Великого Царя, так что если ветер подгонит нас слишком близко, придется все же взяться за весла. Пока я писал, мы успели встретить три корабля, такие же триремы, как наша. Они возвращались в Сест, так что шли на веслах и напоминали огромных шестикрылых птиц, низко летящих над разбушевавшимся морем.

Подошла Ио и заговорила со мной и с чернокожим. Она меня не раз предупреждала, что если этот свиток намокнет, то вскоре рассыплется в прах. И я ей клятвенно обещал сразу убирать его в сундучок, как только кончу писать. Я спросил у нее про хромого человека, и она рассказала, что его зовут Эгесистрат, мы давно с ним знакомы (чернокожий при этом покивал), а она ухаживает за ним. Сейчас она уложила его под палубой, где не дует, и он заснул. Я спросил, чем он болен, но она не ответила.

Кибернет наш между тем все ходит по проходу между скамьями и разговаривает с гребцами. Он самый старый моряк на борту, по-моему, старше даже хромого и Гиперида. Он маленького роста, тощий, почти лысый, а вокруг лысины – седой венчик волос. Поравнявшись с нашей скамьей, он улыбнулся Ио и сказал, как это хорошо, что она опять оказалась у него на корабле. Она мне говорила, что мы однажды плавали на этой триреме вокруг Пелопоннеса, но я, конечно, ничего не помню. Кибернет велел нам с чернокожим показать ему ладони, пощупал их и заявил, что они недостаточно мозолистые. Мне казалось, что у меня на ладонях кожа здорово загрубела, ведь я в последнее время много работал руками, но кибернет сказал, что она слишком мягкая и должна загрубеть значительно больше, прежде чем я смогу грести весь день.

Он считал, что нам сейчас нужно больше работать веслами, чтобы быть готовыми на тот случай, когда от нашего умения грести и выносливости будет зависеть жизнь всех на корабле. Ио рассказывала, что наш кибернет – старый морской волк и знает о кораблях и о море куда больше, чем Гиперид, хотя, по-моему, Гиперид знает очень много. Гиперид считается нашим капитаном, потому что этот корабль куплен на его деньги (его заставило сделать это Собрание Афин). Я сказал Ио, что мне он кажется человеком умным, может быть, даже чересчур. Она же уверила меня, что он очень добрый, хотя действительно хорошо разбирается в денежных вопросах.

Надо сказать, пожалуй, что мы с чернокожим занимаем верхнюю скамью по левому борту. По словам Ио, мы с ним сидим рядом именно потому, что это верхняя скамья и, к тому же находится ближе к носу, тогда как лучшие гребцы сидят ближе к корме, чтобы все видели и следовали их темпу гребли.

Чернокожий, который сидит ближе к борту, называется франитом (то есть "скамеечником"), я же зовусь зигитом (то есть "баночником"). Это потому, что весло чернокожего опирается на уключину, вставленную в пародос, то есть выступ над бортом корабля. Мое же весло прикреплено к банке, вернее, к толстому деревянному стержню, вставленному в банку. Когда судно идет под парусом, людей можно разместить на пародосе, чтобы избежать излишнего крена корабля; но когда мы идем на веслах, каждый, кто хочет пройти по этому выступу, должен переступить через вальки весел, которыми работают франиты.

Я еще должен упомянуть, что люди, сидящие ниже нас, называются "фаламиты". По моему, это значит "сидящие внутри". Их весла проходят сквозь отверстия в бортах корабля, а на вальки этих весел надеты смазанные жиром кожаные рукава. Один из матросов раньше был подвергнут наказанию (не знаю, за что именно). Щитonosцы привязали его к скамье фаламита так, чтобы голова торчала в отверстие борта, и каждый раз при вдохе несчастному, должно быть, казалось, что в лицо ему выплескивают ведро ледяной морской воды. Когда его отвязали, он показался мне вполне раскаявшимся и смиренным.

Чернокожий куда-то отлучился. Когда он вернулся, я спросил, где он был.

Но он только покачал головой. Теперь он сидит и смотрит на воду. Над бортом натянуты кожаные занавески от брызг, но они не мешают нам видеть море.

На ночлег мы причалили к берегу и вытащили корабль на песок. Разожгли костры, согрелись и сварили ужин – кругом валялось много плавника; теперь я пишу при свете костра, а другие уже улеглись спать. Огонь почти потух, но я принес еще дров. Один из моряков проснулся, поблагодарил меня и снова заснул.

Для Гиперида, кибернета, Асета и Эгесистрата разбили палатку. Если пойдет дождь, мы тоже сделаем себе навес из ходового и боевого парусов, а пока все спят возле костров, завернувшись в плащи и сгрудившись, чтоб было теплее. Когда я спросил, куда мы плывем, Ио ответила, что в Пактию, где стена Мильтиада.

Я вдруг проснулся и увидел какую-то женщину, которая рассматривала наш лагерь. Молодая луна светила ярко, и я мог хорошо рассмотреть незнакомку.

Она стояла, чуть выдвинувшись из тени, которую отбрасывали сосны. Лагерь охраняли двое гоплитов Асета, но они женщину то ли не замечали, то ли просто не обращали на нее внимания. Я встал и пошел к ней, думая, что она сразу исчезнет в тени и убежит, стоит, мне подойти поближе, но она не исчезла. У меня уже давно не было женщины; в чреслах моих возникла дрожь – так дрожит от напряжения парус, когда берешь слишком круто к ветру. На нашем корабле, разумеется, нет женщин, если не считать Ио.

Незнакомка была маленького роста, хорошенькая, но какая-то печальная. Я поздоровался и спросил, не могу ли чем-нибудь ей помочь.

– Я невеста этого дерева, – отвечала она, указывая на самую высокую сосну. – Многие, кто приходят сюда, в мой лес, приносят мне жертвы. И меня удивило, что вы – а вас так много! – этого не сделали.

Я решил, что она – жрица какого-нибудь местного храма. И объяснил, что я вовсе не начальник над всеми этими людьми, что спят на берегу, но, мне кажется, они не принесли ей жертву только потому, что у них не было жертвенного животного.

– Мне вовсе не нужны ни ягненок, ни козленок, – сказала она. – Достаточно лепешки и меда.

Я вернулся в лагерь. Нынче вечером чернокожий, Ио и я ужинали вместе с четырьмя обитателями палатки, причем ужин готовил чернокожий, и я знал, что у Гиперида припасен горшок меда, запечатанный пчелиным воском. Я приготовил пресное тесто из муки крупного помола, добавил соли и кунжутного семени и испек на углях лепешку, а потом отнес ее той женщине вместе с медом и бурдюком вина.

Она подвела меня к подножью огромной сосны, где лежал плоский камень. Я спросил, какие слова я должен произнести, возлагая на жертвенник свои приношения, и она ответила:

– Есть гимны, которые чаще поют мужчины, а есть и такие, которые предпочитают их жены и дочери; но все эти люди забыли, что приносить жертву следует в полном молчании.

Я возложил лепешку на камень, чуть-чуть смазал ее медом, а горшок поставил рядом. Потом плеснул на землю немного вина.

Женщина улыбнулась, села перед камнем, прислонившись спиной к дереву, разломила лепешку, окунула в мед и съела. С поклоном я предложил ей вина, и она взяла мех с вином

в руки и сделала добрый глоток прямо оттуда, не разбавив вино водой. Потом вытерла губы тыльной стороной ладони и знаком предложила мне сесть напротив.

Я сел, полагая, что сейчас произойдет именно то, на что я надеялся, однако не знал, как к этому приступить, потому что между нами лежал священный камень. Женщина вернула мне мех, и я тоже глотнул крепкого вина.

– Теперь можешь говорить, – сказала она. – Каково твое самое большое желание?

Еще секунду назад я это знал прекрасно, но теперь чувствовал лишь смущение.

– Ты хочешь попросить плодородия своим полям? – Она снова улыбнулась.

– А разве у меня есть поля? – спросил я. – Я и не знал...

– Или же ты желаешь покоя? Это тоже в наших силах. Покой и прохладная сень... Только, по-моему, сейчас тебе нужно совсем не это.

Я покачал головой и попытался что-то сказать, но не смог.

– Нет, я не могу перенести тебя на родину, – сказала она. – Это не в моей власти. Но я могу тебе ее показать. Хочешь?

Я кивнул и, вскочив на ноги, протянул ей руку. Она тоже поднялась, повесила мех с вином на плечо и сжала мою руку.

И тотчас же яркий солнечный свет наполнил весь мир вокруг. Деревья, берег, корабль и спящие люди – все исчезло. Мы шли по свежевспаханной земле, где в бороздах еще корчились дождевые черви. Перед нами седовласый пахарь одной рукой нажимал на рукоять плуга, а другой погонял быка стрекалом. За его согнутой спиной виднелся сад, виноградник и невысокий белый дом.

– Если хочешь, можешь поговорить с ним, – сказала женщина. – Только он тебя не услышит. – Она глотнула еще вина.

– Тогда я лучше не буду с ним говорить.

Я хотел было спросить у нее, действительно ли эти поля принадлежат мне, и если это так, то почему их пашет какой-то старик, но почему-то я был уверен, что это действительно мои поля, мой сад, виноградник и дом. Я даже догадывался, что седовласый пахарь – мой отец...

– Урожай будет хороший, – сообщила она мне. – Потому что я здесь побывала.

– Но как мы попали сюда? – спросил я. – И почему я не могу здесь остаться?

Она указала на солнце, и я заметил, что оно склоняется к горизонту, а тени стали значительно длиннее.

– Хочешь увидеть свой дом? – спросила она.

Я кивнул, и мы пошли к дому прямо через виноградник. По дороге она сорвала несколько ягод и съела, сунув и мне в рот одну. Ягода оказалась гораздо слаще, чем я думал; я и не знал, что виноград бывает таким сладким. Я сказал ей об этом, добавив, что сладок он, наверное, потому, что она держала его в руках.

– Вовсе нет, – возразила она. – Он кажется таким сладким, потому что принадлежит тебе.

В густой тени под лозами стояли лужи, в которых отражались звезды.

У порога свернулось клубком какое-то животное, не то обезьяна, не то медведь. Впрочем, оно вело себя вполне дружелюбно, точно старый пес при виде хозяина. В глазах его мелькали золотистые искорки, и я сразу вспомнил (и сейчас еще помню), что не раз видел их в детстве. Лохматое существо не двинулось с места при нашем приближении, но его золотистые глаза неотрывно за нами следили.

Дверь была открыта, так что мы легко вошли внутрь, хотя, по-моему, мы бы вошли туда в любом случае, даже если бы дверь была крепко заперта.

Внутри на огне кипел горшок с водой, а возле старого стола сидела пожилая женщина и дремала, уронив голову на руки.

– Мама! – сказал я. – Мамочка! – Слова застревали у меня в глотке.

– Люций! – Она вскочила и обняла меня. Лицо ее, залитое слезами, все было в морщинах, но я бы все равно узнал его сразу, где бы ни встретил.

Она прижала меня к себе, плача и приговаривая:

– Люций, ты вернулся!

Наконец-то! А мы уж думали, что ты погиб в бою!

Она обнимала меня, в точности как и когда я был ребенком, но я все время видел, что она одновременно в прежней позе сидит у стола.

Наконец, поцеловав меня, она повернулась к молодой женщине:

– Добро пожаловать! Нет, это я должна просить у тебя позволения войти в дом – ведь он не мой, а моего сына, и ты можешь не разрешить мне. Будет ли мне и моему мужу позволено остаться здесь?

Молодая женщина продолжала попивать вино все то время, что мы с матерью обнимали друг друга. Она слегка покачнулась, но с улыбкой кивнула, и мать тут же бросилась к двери, крича:

– Он вернулся! Люций вернулся домой!

Но пахарь не обернулся, продолжая налегать на плуг и погонять быков длинным стрекалом с железным наконечником. Солнце уже почти коснулось болотистых полей; в сумерках, за вспаханным полем, я различал силуэт нашего корабля, вытасченного на берег, и казалось, что дом и сад, освещенные последними лучами закатного солнца, парят над погружающимся в ночной мрак только что вспаханным полем.

– Нам пора, – сказала молодая женщина заплетающимся языком. – По-моему, мы еще собирались заняться любовью, не так ли?

Я отрицательно покачал головой, одной рукой обнимая мать, а другой хватаясь за косяк двери. Однако они растаяли у меня на глазах подобно тому, как мед тает в горячей воде.

– А я собиралась! – заявила женщина.

Последние лучи солнца погасли, и воздух сразу стал холодным. Сквозь темные силуэты деревьев снова просвечивало море, я видел затухающие костры и корабль, лежащий на берегу. Молодая женщина прильнула губами к моим губам, и мне показалось, что я пью дивное старое вино из новой, только что выточенной и еще пахнущей деревом чаши. Мы упали на подстилку из сосновых игл и листьев папоротника.

Дважды я взял ее – плача в первый раз и смеясь во второй. Мы выпили еще вина. Я говорил ей о любви, а она клялась, что никогда меня не покинет, и мы смеялись друг над другом, понимая, что оба лжем, но сейчас находимся в полной безопасности. Заяц, выскочив из тьмы в лунное пятно на поляне, посмотрел на нас горящим глазом, воскликнул: "Элата!"¹⁴ и тут же исчез. Я спросил, действительно ли это ее имя, и она кивнула, вновь делая глоток вина и целуя меня.

Потом я услышал лай гончих псов, преследующих оленя, – сперва далеко, а потом все ближе и ближе. Мне смутно припомнилось, что все, кто имел несчастье оказаться на пути такой охоты, бывали разорваны собаками в клочья. И я пожалел, что не опоясался мечом, прежде чем отправиться приносить жертву дереву. Элата спала, положив голову мне на колени, но я поднялся, шатаясь, и взял ее на руки, желая отнести к костру на берегу.

Но не успел я сделать и шага, как затрещали ветки и из тени вынырнул огромный олень; увидев огни костров (а может, лишь почуяв запах дыма), он метнулся назад, чуть не сбив меня с ног. Я слышал, как тяжело он дышит, прямо как кузнечные мехи, и почувствовал запах страха.

Элата сонно шевельнулась у меня на руках, олень пронесся мимо, а лай собак раздался совсем рядом. Я поставил молодую женщину на ноги, намереваясь побыстрее отвести к костру, но она поцеловала меня и, ткнув пальцем в темноту, объявила с пьяной многозначительностью:

¹⁴ Элата – херсонесская нимфа. Ее имя означает «сосна».

– Погоди, 'ще один с твоего корабля хоч'т меня видеть...

Глава 6 НИМФА

Элата вернулась с минуту назад и попросила затушить костер. Но я не стал этого делать, хотя от костра остались лишь тлеющие уголья. Я знаю, она успела нынче побывать в постели Эгесистрата, а после него, по-моему, переспала еще и с одним из гоплитов Асета. После чего искупалась в ручье, где мы брали воду, но, когда я предложил ей обсушиться у костра, она как будто испугалась и попросила меня затушить его, жарко целуя и лаская меня.

Я очень устал; если Элата желает опять лечь с мужчиной, пусть поищет себе кого-нибудь другого. К тому же, пока я окончательно не заснул, нужно успеть записать в дневник про ту женщину (Эгесистрат зовет ее богиней) с пегими гончими. То, что сказала она, и то, что говорил Эгесистрат, может завтра оказаться очень важным.

Богиня была совсем юной, с менее пышными формами, чем у Эллаты, но гораздо красивее; и я уверен, она еще не знала мужчины. С нею были и другие женщины, тоже очень красивые, но их я как следует не разглядел, потому что они избегали яркого лунного света, в котором столь смело выступала та Охотница.

Но сперва расскажу о ее гончих псах. Их мы увидели раньше, чем саму Охотницу и ее свиту. Меча у меня с собой не было, так что я схватил первую попавшуюся палку, увидев этих псов, однако сразу понял, как это глупо, – с тем же успехом можно было попробовать отбиться от них тонким прутиком.

Каждый пес был ростом с теленка, а в своре их было не меньше двадцати.

Элата спасла меня от них тем, что повисла на моей руке (сказать по правде, она самостоятельно уже и стоять не могла). Разъяренные гончие рядом с ней присмирели, стали вилять хвостами и даже ласкаться, тыкаясь ей в колени мордами и облизывая ей пальцы огромными шершавыми языками, а она гладила их. Я не решился на подобную фамильярность по отношению к этим бестиям, но они меня не тронули.

Вскоре появилась и Охотница с серебряным луком. Она улыбнулась нам, однако в улыбке ее не было теплоты; если б ее гончие загнали оленя, она, наверное, улыбалась бы точно так же. Но до чего все-таки она была изящна и прекрасна!

– Человек, который все забывает, – так она обратилась ко мне. Голос у нее был совсем девчоночий, но в нем слышались отзвуки охотничьего рога, высокие и чистые. – Меня-то ты не должен был бы забывать, – сказала она и прикоснулась ко мне своим луком.

И тут же я вспомнил, как встречался с нею на перекрестках жизненных путей, хотя при первой нашей встрече, да и при последней тоже, она показалась мне старше и меньше ростом, да и окружали ее собаки совсем другой породы. Я также припомнил, что она называла себя царицей, хотя и выглядела очень юной, и почтительно склонился пред нею, как и прежде.

– Ты, как я вижу, успел обольстить мою служанку, – заметила она, чуть улыбаясь.

– Как скажешь, великая богиня.

Она нетерпеливо качнула головой:

– Зови меня Охотницей.

– Хорошо, Охотница, коли ты так хочешь.

– Ты, наверное, мог бы послужить неплохой дичью для моих любимцев.

Хочешь, я тебе фору дам – стадию или даже две? – У нее за спиной сгрудились нимфы; до меня доносился из темноты их серебристый смех.

– Как пожелаешь, Охотница, – отвечал я. – Конец все равно один. – Костры, горевшие на берегу, были всего в одной стадии от нас, и я подумал, что мог бы успеть выхватить горящую головню. А с огнем в руках, да еще разбудив спящих матросов, можно было рассчитывать, что охота примет совсем другой оборот.

Тут из темноты раздался новый голос, мужской:

– Латро, ты где?

– Здесь, – ответил я негромко.

– Кто это там с тобой?

Я с трудом сдержал улыбку. Охотница ответила за меня:

– Ты же нас прекрасно знаешь, прорицатель.

Эгесистрат подошел совсем близко, так что, по-моему, должен был бы уже увидеть Охотницу, освещенную луной; но он опять спросил:

– Это кто там, возле дерева? Женщина?

Хоть он и опирался на свой костыль, идти ему в темноте все равно было трудно, почва здесь была неровная. Я бросил свою палку и протянул руку, чтоб помочь ему; он ухватился за меня – и тут же низко склонился перед Охотницей. Эллины не преклоняют колен, как это делаем мы, и не падают ниц, как народы Востока; но все же, мне кажется, богам оказывается более высокая честь, когда их приветствует простым поклоном мужчина, который никогда не стал бы целовать ничьи следы.

– Кому ты служишь, Эгесистрат?

– Готов служить тебе, Синтия¹⁵, если ты того пожелаешь.

– А ты, Латро? Готов ли ты снова служить мне, если я попрошу?

У меня внутри все перевернулось, как молоко в маслобойке; моя рука, что поддерживала Элату, задрожала; но я тут же напомнил себе: ведь именно эта ужасная богиня вернула мне хоть какую-то память, – по крайней мере, воспоминания о моих прежних встречах с нею. (Теперь-то я опять об этом забыл, хотя не так давно еще помнил; но я все еще помню, что тогда подумал и сказал.) – Ты ведь царица, – смиренно произнес я, – разве я могу отказать тебе?

– Некоторым это удавалось. Но слушайте оба! Нет, заклинаю вас своей девственной чистотой! Слушайте все трое!

Нимфы дружно охнули где-то в темноте.

– Латро только что назвал меня царицей. Скоро вам встретится другая царица – можете поверить. У нее сильный защитник и покровитель, и я хочу воспользоваться его могуществом, чтобы поднять кабана. А вы должны мне помочь, но не противоборствовать ей. А когда наступит время, старая шлюха должна проиграть! Случится это в доме моего брата – ты его знаешь, прорицатель. Там вы будете в безопасности, у друзей. Ступайте же на северо-запад; там вы встретите ее. И ваша царица спасет вас, если вы не свернете к югу.

Эгесистрат поклонился, а я сказал, что мы сделаем все, как она сказала, хотя на самом деле абсолютно ничего не понял. Один из ее огромных псов обнюхал Эгесистрата. Она глянула на него и сказала:

– Да-да, хорошенько запомни запах этого человека!

Потом повернулась к Эгесистрату:

– У Латро есть все качества, необходимые герою, за исключением одного: он забывает даже то, что ему приказывают. Ты должен позаботиться, чтобы он об этом не забывал. Моя царица должна победить и, возможно, уничтожить того правителя – а, стало быть, вторая царица победить не должна!

Эгесистрат поклонился еще ниже.

– Ты приносишь победу, Латро, так что будешь править лошадьми моего брата. В случае победы получишь награду. Чего бы ты желал?

– Вернуться домой, – отвечал я, потому что сердце мое все еще разрывалось от воспоминаний о родине.

– Что? Вернуть тебя к жалким клочкам земли, свинарникам да коровникам?

¹⁵ Синтия – Охотница (Артемида), рожденная в пещере горы Синт на острове Делос.

Это не в моей власти. Вот что, ты помнишь, чего просил у Кору? – Я отрицательно покачал головой. – Ты просил, чтобы она вернула тебя к твоим друзьям. Она выполнила твоё желание и воссоединила тебя с ними. По крайней мере, с некоторыми. Они уже были мертвы или умирали, чего и следовало ожидать, ибо Кора властвует в Царстве теней. Я тоже верну тебя к твоим друзьям – только к живым, поскольку мертвые меня не интересуют.

– Хотя именно ты приносишь внезапную смерть женщинам, – прошептал Эгесистрат.

Я был так счастлив, что слов его почти не расслышал. Выпустив Элату из объятий, я упал перед богиней на колени.

– О, как ты добра, Охотница!

Она горько улыбнулась:

– Так многие говорили. Ну что, доволен такой наградой?

– Более чем!

– Рада это слышать. Однако ты будешь наказан за то, чем занимался нынче ночью с моей служанкой, утратив – по крайней мере, на время – всякий стыд и то, что с такой гордостью именуешь своим достоинством.

Богиня приблизилась к Эгесистрату, и мне показалось, что она – хотя в данный момент она была лишь чуть-чуть выше его – буквально нависает над ним.

– Ну а тебе награду выбирать не дано. Твои грязные желания и без того мне известны. Хорошо, эта испорченная девчонка пока что будет твоей, хотя до тебя она принадлежала Латро.

Эгесистрат теперь поддерживал Элату, тихо бормоча слова благодарности.

– Учти: она останется у тебя только до тех пор, пока ты снова не попадешь сюда, – предупредила его Охотница. – Как только это произойдет, она обретет свободу и сможет снова вернуться в свой дом.

И с этими словами исчезла и Охотница, и ее псы, и ее нимфы; под огромной сосной во мраке остались только прорицатель, Элата и я. Еще некоторое время мне казалось, что я слышу вдали дикий лай и завывания гончих, потом все стихло.

Хромой Эгесистрат с трудом мог передвигаться по неровной каменистой земле, усыпанной скользкими сосновыми иглами, а Элата по-прежнему была настолько пьяна, что мне пришлось нести ее на руках. Сам же Эгесистрат держался за мое плечо. Я попросил его объяснить, в чем смысл произошедшего, и сказать, кто такая эта Охотница и какой властью она обладает. Он обещал, что все потом расскажет и объяснит, но сперва, едва мы добрались до костров, повел Элату к воде, где песок был влажным и плотным, так что он мог передвигаться гораздо свободнее.

Итак, я описал все события с той минуты, как заметил Элату, рассматривавшую наш лагерь. Когда я писал об олене, вернулся Эгесистрат и начал рассказывать мне об Охотнице, а тем временем вернулась и Элата, которая тут же полезла в ручей купаться.

Я спросил Эгесистрата, хорошо ли он знаком с Охотницей.

– Только понаслышке, – отвечал прорицатель. – Раньше я с нею не встречался. В отличие от тебя.

Я уже не помнил, когда встречался с этой богиней, но чувствовал, что так оно и было.

– Это Великая богиня, – сказал он. – Ты ведь тоже небось не думал, что разговариваешь с обыкновенной женщиной?

– Нет, я как раз думал, что она самая обыкновенная – ведь именно такой она явилась мне. Но что-то я, конечно же, подозревал. Так ее зовут Синтия?

– Это одно из ее имен, – ответил Эгесистрат. – А имен у нее много. Ну а Губителя «одно из прозвищ Аполлона» ты знаешь?

Я ответил, что нет, и добавил: если судить по имени этого бога, то вряд ли у кого-либо возникнет желание с ним знакомиться.

– Ты глубоко заблуждаешься! Ты забываешь, что на свете есть великое множество такого, что следовало бы погубить, уничтожить – волки и львы, например. Между прочим, он и мышей уничтожает.

Тут я смутно вспомнил что-то – воспоминание это точно вынырнуло из тумана, окутавшего мою память, – и сказал, что хотя уничтожение мышей, видимо, приносит людям пользу, однако я совсем не уверен, что хотел бы погубить всех волков и львов на земле.

– Захотел бы, если б держал овец или коз, – прагматически заметил Эгесистрат. – Или коров разводил. У тебя свой-то скот есть? Насколько я понял со слов богини, раньше он у тебя был.

Я сказал, что у меня, видимо, была по крайней мере одна упряжка быков, если то, что показала мне Элата, соответствует действительности. После чего мне пришлось рассказать ему все об этом странном происшествии – как она перенесла меня туда, где, по ее словам (и моим собственным догадкам), находится мой дом, и что мы там видели и делали. Когда я спросил его, как Элате удалось такое проделать, он признался, что не знает, и вслух усомнился, что подобные чудеса вообще в ее власти. Я спросил, не колдунья ли она.

– Нет, – отвечал он, – можешь мне поверить. Она просто дриада, нечто вроде нимфы.

– А я думал, когда Элата назвалась невестой¹⁶, что она просто молодая женщина, достигшая брачного возраста, – заметил я.

Эгесистрат кивнул:

– Тебе, чужеземцу, это вполне простительно. Из всех невидимых существ нимфы ближе всего к нам, людям; они даже не бессмертные, хотя живут очень долго. Наши крестьяне и боятся их, и любят; какой-нибудь деревенский воздыхатель, желая сделать приятное своей возлюбленной пастушке, может даже притвориться, что считает ее нимфой в человеческом облике. Оттого слово "нимфа" и приобрело ныне оттенок обычного комплимента.

– Понятно, – сказал я. – Но, по-моему, есть и еще одно сходство между нимфами и нами – они тоже должны повиноваться Охотнице, которую ты называешь Великой богиней.

– Так и есть, – подтвердил Эгесистрат. – Она сестра, даже больше, сестра-близнец того Губителя, о котором мы только что говорили. А он – один из Двенадцати, лучший из них, истинный друг людей, покровитель искусства предсказаний, искусства врачевания – вообще всех искусств! Но его сестра...

– Не так дружелюбно относится к людям, как он, – подхватил я, прочитав это по его лицу.

Тут появилась Ио и уселась рядом с нами. Глаза у нее были заспанные, но горели любопытством.

– Кто эта женщина? – спросила она у Эгесистрата. – Я проснулась, а она лежит рядом со мной. Говорит, что принадлежит тебе.

Эгесистрат ответил, что это правда.

– Тогда тебе надо бы достать ей какую-нибудь одежду, а то хлопот не оберешься, когда моряки проснутся.

Я велел Ио сходить за одеждой Элаты, которая так и осталась под сосной.

Эгесистрат пробормотал себе под нос:

– Вообще-то неплохо было бы найти на корабле такое местечко, где ее никто не увидит. А то все начнут на нее пялиться – мне даже думать об этом неприятно.

Я заметил, что для этого достаточно посадить ее перед самой первой скамьей. Он рассмеялся:

– Ты прав, конечно, но это хорошо, когда все гребцы заняты. А ведь большую часть времени они грести не будут.

¹⁶ Слово «нимфа» по-гречески означает «невеста».

– Ну и что, даже в этом случае только те, что сидят рядом, смогут ее разглядывать, ведь корабль-то длинный и узкий. Только, по-моему, у моряков мысли будут при этом не намного грязнее твоих.

– Ты имеешь в виду слова богини?

Я кивнул.

– Она, между прочим, сказала еще, что ты тоже спал с этой нимфой до меня.

Я не стал возражать, а постарался утешить его, пояснив, что спал с Эллатой, когда Охотница еще не отдала ее ему.

Он вздохнул:

– Да она бы никогда и не стала моей, если бы ты не переспал с нею прежде. Что же до моих "грязных" желаний, то лишь женщина может назвать их такими, да и то далеко не всякая. Я, видишь ли, потерял несколько лет назад жену; и мне, хромоту, да еще вдали от дома, совсем не просто найти себе новую. Любому мужчине это сделать нелегко, тем более если хочешь, чтобы новая жена была такой же доброй, как прежняя.

– А у этой Охотницы любовники есть? – спросил я.

Эгесистрат покачал головой:

– Даже несколько – по крайней мере, я знаю нескольких смертных и богов, очень хотевших стать ее возлюбленными. Но все они вскоре кончили плохо.

Рассказывают, например, такую историю... Не знаю, правда ли это...

Я настоятельно попросил его рассказать мне эту историю, хотя уже очень устал. Мне почему-то казалось, что я должен постараться узнать об Охотнице как можно больше.

– Ну хорошо. Она ведь дочь Громовержца – кажется, я об этом еще не упоминал? – и, согласно легенде, в три года она явилась к отцу и попросила дать ей столько же имен, сколько у ее брата-близнеца, серебряный лук и стрелы, чтобы стать царицей нимф, и еще много всего. И когда отец пообещал выполнить все ее желания, она попросила еще, чтобы он превратил ее во взрослую женщину, такую же, как ее единокровная сестра, богиня мудрости Афина, которая родилась из головы своего отца уже взрослой. И это ее желание тоже было исполнено; вот поэтому иногда говорят, что она так и не успела повзрослеть по-настоящему.

Я предположил, что, наверное, то же самое можно сказать и об Афине;

Эгесистрат согласился со мной:

– Кстати, ни одна из них вроде бы так и не имела ни одного настоящего возлюбленного. Правда, Афина, по крайней мере, не принуждает других блюсти целомудрие. Вполне возможно, что она действительно так и не стала настоящей женщиной – в том смысле, что и некоторые мужчины тоже настоящими мужчинами не являются, – именно потому, что появилась на свет таким необычным способом.

Тут вернулась Ио, которая сообщила, что нашла одежду Эллаты и прикрыла ее наготу. Она еще сказала, что заметила среди деревьев какое-то крупное животное, и оно настолько ее испугало, что она сразу бросилась прочь. Мы с Эгесистратом предположили, что это была просто корова, но Ио с этим не согласилась. Эгесистрат попросил девочку помогать ему охранять Эллату от чужих посягательств, и она с готовностью обещала ему это, предварительно испросив разрешение у меня. Я добавил, что тот мальчик тоже мог бы им помогать, но они удивились и заверили меня, что на корабле нет ни одного мальчика.

И вот сейчас в небе уже разгорается заря.

Глава 7

ЭОБАЗ НАХОДИТСЯ В АПСИНФИИ¹⁷

– Для нас это одновременно и хорошо, и плохо, – сказал Эгесистрат. – Но, должен признаться, я бы ничего менять не стал, даже если б мог. Чтобы не сделать хуже.

Капитан кивнул, потирая лысую голову – так он, по-моему, делает всегда, когда о чем-то думает.

Ио, которая ходила с Эгесистратом проведать Элату, спросила:

– А где это – Апсинфия?

Нет, прежде, чем описывать этот разговор в харчевне, я должен описать всех этих людей и местность, где мы находимся, хотя, видимо, кое-что о них в моих записях уже есть. (Я, правда, бегло просмотрев свиток, нашел очень немногое.) Город этот называется Пактия, он расположен на берегу Геллеспонта.

Когда я разворачивал свой старый свиток – хотел выяснить, как я стал владельцем рабыни Ио, – то обнаружил рассказ об оракуле Светлого бога, который якобы сказал мне: "Ты должен пересечь узкое море". Некоторое время назад я спросил у Лисона (это моряк с нашего корабля), где у Геллеспонта самое узкое место, и он ответил, что он весь очень узкий. Тогда я спросил, есть ли на свете еще более узкие моря, и он сказал, что вряд ли. И прибавил, что пока что мы не пересекали Геллеспонт, а только плыли вдоль его западного берега. Он говорит, что на восточном берегу правят сатрапы Великого Царя, и, если мы подойдем к нему, нас захватят в плен или убьют.

Итак, я полагаю, что именно Геллеспонт и есть то узкое море, которое я должен переплыть, если хочу исцелиться, как вроде бы обещал мне Светлый бог. Да, там же моей рукой (я узнал собственный почерк) написано: "В мире наземном ищи, если сможешь увидеть!" Поскольку я не слепой и не имею желаний стать прорицателем, как Эгесистрат, это, по-моему, должно означать, что мне следует обратиться к прошлому. А как раз этого-то я сделать и не могу: вчерашний день, как и все предыдущие дни, уже окутан для меня туманом забвения. Я спросил Ио, не случается ли и с ней такого, когда она вспоминает прошлое. Она ответила, что лишь годы самого раннего детства как бы скрыты от нее некой пеленой; мне ее слова показались странными, ведь детство – это единственное, что я помню очень хорошо.

Прорицателю Эгесистрату лет сорок; он хром, и у него курчавая борода.

Его жена, Элата, очень красива и, мне кажется, весьма склонна к распутству. Он никогда не оставляет ее одну, а если вынужден уйти, то за Элатой присматривает моя рабыня Ио. Поскольку мне она теперь почти не нужна, у меня нет причин для возражений.

Это Ио сообщила мне большую часть того, что я ныне знаю о здешних жителях. Она считается моей рабыней, на вид ей лет одиннадцать-двенадцать.

Надо бы спросить у нее самой – она-то должна знать свой возраст более точно. Пожалуй, она довольно высокая для своих лет; личико у нее милое, темные волосы кажутся почти черными.

Еще с нами плывет один чернокожий. Кажется, он мой друг, но я не видел его с тех пор, как мы пришвартовались. Он о чем-то поговорил с Эгесистратом на каком-то незнакомом мне языке и отправился с другими моряками на рынок. Потом Эгесистрат вернулся вместе с Элатой и Ио, но чернокожего с ними не было. Этот человек высок и силен, волосы у него еще более курчавые, чем борода Эгесистрата, а зубы крупные и очень белые; мы с ним примерно ровесники.

¹⁷ Апсинфия – местность на юге Фракии, к северо-западу от Херсонеса Фракийского.

Нашего триерарха зовут Гиперид. Он на полголовы ниже меня ростом, лысый (как я уже упоминал) и чрезвычайно живой человек – все время что-то говорит, все время куда-то торопится. Перед тем как мы причалили, я вычистил его доспехи, в них он и сошел на берег. Это очень хорошие доспехи, насколько я могу судить; возможно также, что в них живет чей-то дух, потому что, когда я их чистил и полировал, мне все время казалось, что у меня за спиной стоит женщина с сияющим лицом, но, когда я оглядывался, там никого не оказывалось.

У меня также есть меч. Гиперид заставил меня опоясаться им, когда мы сошли на берег. Я не знал даже, где он лежит, но Ио показала мне на сундучок (я на нем сидел), открыла крышку, и мой меч оказался там, внутри.

Это великолепный меч, с отделанной кожей рукоятью и бронзовой гардой; он крепится к украшенному бронзовыми накладками поясу, какой носят воины. По лезвию идет надпись "Фальката" – теми же буквами, какими пишу я. Доставая из сундучка меч, я и обнаружил свой старый свиток.

Гиперид рассказал, что земли Аписинфии раскинулись на северо-запад от Херсонеса Фракийского. Это хорошо, потому что далеко от границ Империи, но плохо, потому что мы не можем доплыть туда на корабле, если, конечно, не спустимся снова к югу тем путем, которым сюда приплыли, и не обогнем полуостров.

Ио хотелось знать, что может Эобаз делать у варваров. Эгесистрат пожал плечами и сказал:

– Он, возможно, оказался там не по своей воле. Предположим, его захватили в плен и увели туда насильно – варвары в этих краях вечно воюют друг с другом, совершая дикие набеги, убивая людей, грабя дома и забирая в плен всех, кто окажется в опасной близости от их земель и не будет иметь такого войска, как у Великого Царя. Единственное, что мне удалось о нем узнать, это то, что он находится в плену в этой стране – об этом мне сказал один варвар, который клянется, что другой варвар, которому он полностью доверяет, был тому свидетелем.

Капитан отодвинул в сторону грязный подносик из-под ужина и сказал Эгесистрату:

– Но ты же можешь узнать о нем больше? Например, спросить у богов?

– Да, я так и собирался поступить, – кивнул прорицатель. – Вот только ответят ли они мне... – И он снова пожал плечами.

– Все равно, нам, наверное, не стоит строить планы на будущее, пока ты не посоветуешься с богами. Что тебе для этого нужно?

Пока они обсуждали эту проблему, Элата показала мне браслет, который ей купил Эгесистрат. По ее словам, это фракийская работа. Золото обработано грубо, но хитроумно, а узор являет собой переплетение виноградных лоз с листьями и гроздьями, меж которыми видны как бы два глаза из синих камешков. Ио говорит, что это очень похоже на ствол того большого дерева, увитый диким виноградом, возле которого Эгесистрат нашел Элату, хотя лично я не могу вспомнить ничего подобного, сколько бы ни разглядывал браслет.

– Ты ступай с ними, Латро, – велел мне Гиперид, – и делай то, что скажет Эгесистрат.

Я несколько удивился, поскольку почти не прислушивался к их разговору, но подчинился и встал с земли вместе с Эгесистратом. Элата допила вино, улыбнулась и спросила:

– А нам тоже идти?

Эгесистрат кивнул:

– Возле города есть священная роща. Туда мы и направимся. – Потом добавил, обращаясь к Гипериду:

– Ты уверен, что не хочешь при этом присутствовать?

– Хотел бы, да не могу. Вряд ли от меня был бы какой-то прок – просто хотелось бы все поскорее узнать. Но если мы собираемся снова плыть вокруг полуострова, мне надо о многом позаботиться заранее.

– Твое отсутствие может повлиять на результат, – предупредил его прорицатель.

Гиперид поднялся.

– Ну, хорошо, я постараюсь присоединиться к вам попозже. Священная роща, говоришь? Кому она посвящена?

– Итису¹⁸, – сказал Эгесистрат.

Когда мы вышли из харчевни на мокрые улицы Пактии, Ио спросила, чем мы с Гиперидом занимались утром. Я рассказал ей о наших делах (мы посещали разных чиновников и торговались с лавочниками, а еще мне несколько раз пришлось сбежать на корабль с различными поручениями) и спросил, что делала она. Она ответила, что они с Элатой ходили по рынку, пока Эгесистрат болтал с варварами.

– Там много людей из Пурпуровой страны, – сообщила она. – Кажется, их называют финикийцами? Я их впервые вижу с тех пор, как мы покинули войско Великого Царя. Эгесистрат говорит, что они ждут, когда афинские корабли покинут Геллеспонт; только тогда они смогут тоже уплыть домой. – И она, заметив какую-то приоткрытую дверь, показала мне пальцем:

– Вон они стоят.

Видишь?

И я увидел четверых смуглых мужчин в расшитых шапках и великолепных пурпурных плащах. Они торговались с сапожником. Один из них, заметив, что я на него смотрю, махнул мне рукой и крикнул:

– Бахут!

– Охойя! – ответил ему я и тоже помахал рукой.

– Что ты ему сказал? – спросила Ио.

– Привет тебе, брат мой, – ответил я. – Обычное дружеское приветствие – так принято между людьми одной профессии, тем более попавшими в чужую страну.

Она смотрела на меня округлившимися глазами.

– Хозяин, значит, ты знаешь язык Пурпуровой страны?

Эгесистрат тут же остановился и оглянулся на нас.

Я ответил, что вовсе в этом не уверен.

– Ну попробуй. Представь, что я – оттуда; ну, скажем, я дочь такого человека в красном плаще.

– Хорошо, – согласился я.

– Вон там, видишь? Как называется то большое животное?

– Сису, – ответил я.

– Сису! – Ио была просто в восхищении. – А вот... а вон тот человек, что стоит к нам спиной, – как ты его назовешь, хозяин?

– Этого мальчика в ярком плаще? Пожалуй, бан. Нет, лучше нусир.

Ио замотала головой.

– Нет, я имела в виду старика. Я там вообще никакого мальчика не вижу.

Где ж там мальчик?

– А он заметил, что мы на него смотрим, и спрятался, – пояснил я. – Вон он, выглядывает из-за повозки. Его тоже любопытство разбирает.

– Кажется, ты действительно можешь говорить на языке финикийцев, хозяин! Может, даже совсем свободно. Ты этого, конечно, не помнишь, но однажды ты мне говорил еще, что "саламин" означает "мир".

Я подтвердил, что так оно и есть.

– Ага! Значит, мне уже тогда следовало догадаться... – пробормотала Ио.

¹⁸ Итис – сын мифического фракийского царя Тереея. Мать Итиса убила его, чтобы отомстить за свою сестру, обесчещенную Тереем, и, приготовив из мяса мальчика кушанье, накормила им мужа.

– Надо мне все выяснить поподробнее. – Однако задавать мне еще вопросы по поводу моих неожиданных знаний она не стала; умолкла и не произнесла больше ни слова, пока мы не добрались до священной рощи – а пройти надо было стадий десять. Ио шла молча, покусывая прядку длинных своих волос, и все время почему-то оглядывалась.

У городских ворот Эгесистрат купил немного вина и пару голубей в сплетенной из прутьев клетке, заметив, что этим можно будет немного подкрепиться после принесения жертвы богам. Я спросил, как гадают по внутренностям птиц, и он объяснил, что нет почти никакой разницы, по чьим внутренностям гадать – телки, барана или еще кого. Не нужно только использовать при гадании лопатку животного. Но сегодня, сказал он, гадать по внутренностям он не собирается. Тогда я спросил, как он будет задавать вопросы богам, и он ответил, что вопросы вместо него буду задавать я.

После чего мне тоже пришлось замолчать, потому что девушка, у которой мы купили голубей, была рядом и могла нас подслушать.

Деревья в священной роще уже позолотила осень, желтые листья усыпали землю. Весной здесь, должно быть, восхитительно, но сейчас это место казалось совершенно заброшенным. Не думаю, чтобы местные жители часто приносили жертвы Итису; если б это было так, они бы, наверное, построили здесь храм. Пепел, оставшийся у алтаря после жертвоприношения, осенние дожди давно уже превратили в грязь.

– Сперва нам нужно разжечь костер, – сказал Эгесистрат и дал мне мелкую монету, чтобы я в ближайшем доме, над которым курился дымок, купил факел.

– Ой, мало люди ходит здесь в такой погода, – сообщила мне грязноватая старуха, видимо, хозяйка дома; она что-то варила на плите и, привязав пару пучков соломы к длинной палке, протянула мне этот "факел". – А который приходит, просит, чтоб я дать им огня, но ничего не заплатит.

Я заверил старуху, что боги непременно ее вознаградят за благочестивые деяния, и добавил, что, поскольку я-то ей заплатил, неплохо было бы полить солому маслом.

– Масло? Для лампа? – Старуха поглядела на меня так, словно ламповое масло было бог весть какой редкостью. – Не надо никакой масло! Я тебе лучше жир дать, совсем хорошо гореть. Нельзя много огонь просто так давать, только если мой родственник приходит. – Она помолчала, пытаясь убрать с лица пряди жестких седых волос. – Один раз, прошлый год, дала много огонь, только это был очень бедный мать, все время плакал, и совсем один был. Ты тоже потерял ребенок? Сколько лет?

Я отрицательно покачал головой и сказал, что никто из нас ребенка не терял.

– А все приходит, кто потерял ребенка – заблудился или умер. Больше умер, я так думать. Если много народ придет, берут огонь друг у друга, это так.

Жир, что она мне дала, был старый, прогорклый, но сразу вспыхнул и запылал с ревом, едва она сунула конец факела в огонь. Я спросил ее об Итисе, чье имя было мне неизвестно, и она ответила, что это был мальчик, которого съел его собственный отец.

Когда я вернулся в рощу, моряки что-то оживленно обсуждали. Сейчас узнаю, что тут случилось, пока меня не было.

Глава 8

ОТПЛЫТИЕ "ЕВРОПЫ"

Кибернет сказал, что мы отчалим, как только рассветет, и Гиперид послал Асета с его гоплитами¹⁹ в город, чтобы собрать всех, кто задержался на берегу. Когда корабль отплывет, мне кажется, ни меня, ни Ио на его борту уже не будет. И чернокожего тоже. Надо будет спросить их об этом, когда я все запишу.

Матросы говорят, что корабль из Пурпуровой страны все-таки сумел ускользнуть. В начале года, когда Пактия еще находилась под властью Великого Царя, финикийцы могли торговать здесь совершенно свободно, ибо их земли тоже были покорены Империей. Но теперь войско Великого Царя отступило, и жители Пактии сами не знают, обретет ли их город независимость (как это было когда-то) или будет подчинен Персии. Когда мы с Гиперидом беседовали с местными чиновниками, те предупредили нас, чтобы мы ни в коем случае не затевали никаких ссор с подданными Империи – опасались, что впоследствии из-за этого может пострадать их город. Гиперид обещал, что никаких столкновений не будет. Теперь, когда корабль с "пурпуровыми плащами" ушел из гавани, финикийцы могут стать чьей угодно добычей; они все лето торговали на побережье Первого моря и Понта Эвксинского, и у них на корабле полно богатых товаров. Моряки говорят, что, если финикийцы просто пересекут Геллеспонт и причалят в каком-нибудь порту, все еще находящемся под властью Великого Царя, тогда мы ничего не сможем сделать. Но вот если они попытаются идти на юг по Геллеспонту и дальше вдоль берега до своего родного Библа, тогда у нас есть шанс догнать их. Такое торговое судно, как у них, может плыть и ночью, а не только днем, тогда как нашей "Европе" необходимо почти каждый вечер бросать якорь у берега, чтобы запастись свежей водой. Зато "Европа" – трирема, так что она и под парусом идет гораздо быстрее торговых судов, и на веслах, если нет попутного ветра.

Так, теперь о том мальчике. Эгесистрат, Элата и Ио сложили небольшой костерок, пока я ходил за огнем, собрав самое сухое дерево, какое только могли найти. Я зажег его, и, когда костер как следует разгорелся, Эгесистрат рассказал нам легенду об Итисе, сыне Терея, царя Фракии.

Этот Терей был сыном бога войны Ареса и враждовал с Фивами. И вот, когда Фивы начали войну против Афин, он со своим войском отправился на помощь афинянам. Там он познакомился с Прокной, дочерью царя Пандиона, и взял ее в жены. Когда война закончилась, он вернулся во Фракию и увез Прокну с собой. Там она родила ему сына – Итиса. Все шло хорошо, пока ко двору царя Терея не прибыла сестра Прокны, Филомела. Терей без памяти влюбился в нее и поссорился с женой, после чего сослал Прокну в самую отдаленную часть своего царства. Филомела сперва отвергала все ухаживания и притязания Терея, и тогда он распустил слух, что царица Прокна погибла в результате набега какого-то племени варваров. Решив, что теперь она может стать царицей, Филомела уступила домогательствам Терея; но на следующее утро он отрезал ей язык, чтобы никто не узнал, что произошло, поскольку не желал, чтобы тот сын, которого, возможно, родит Филомела, когда-нибудь попытался оспорить права Итиса на престол; ведь он любил своего сына со всей страстью, на какую способен даже отъявленный негодяй, если его ребенок похож на него как две капли воды.

Вскоре искалеченную Филомелу отослали домой, в родной город. Хотя все это происходило, разумеется, еще до того, как люди научились писать, по-моему, отсутствие письменности не могло помешать этой женщине сообщить людям, что с ней произошло, ведь все можно рассказать и с помощью жестов, как со мной обычно разговаривает наш чернокожий. К тому же

¹⁹ Гоплиты – воины-щитоносцы.

отец Филомелы и все остальные, несомненно, должны были очень удивиться, обнаружив, что она больше не может говорить. С другой стороны, сколь многие женщины, отнюдь не лишившись языка, но став жертвой насилия, продолжают молчать, опасаясь позора! Несомненно, несчастная Филомела, столь жестоким образом лишенная речи, испытывала те же чувства.

Однако вскоре она узнала, что сестра ее жива и вернулась к своему мужу; этого она стерпеть не смогла. Она потратила несколько месяцев на изготовление великолепного плаща, поистине достойного царицы, из самой лучшей шерсти; и на этом плаще вышила в картинках всю свою печальную историю.

После чего с достойным всяческого уважения мужеством прибыла ко двору царя Терей и показала ему роскошный вышитый плащ, который привезла в подарок сестре. Она, разумеется, старалась держать его подальше от царских глаз, чтобы Терей не разглядел, что на нем вышито. Зато Прокна рассмотрела его хорошо, удалившись в свои покои, и сразу все поняла. И тогда она собственными руками убила своего сына Итиса.

Сестры вместе разрубили тело несчастного мальчика на куски, зажарили и в тот же вечер подали на ужин Терю. Тот был изрядным обжорой и, ничего не подозревая, съел все до последнего кусочка; когда он объявил, что жаркое было превосходным, сестры открыли ему страшную тайну: он (подобно богу времени Хроносу, как заметил Эгесистрат) пожрал собственного сына и единственного наследника.

Терей бросился на сестер, обнажив меч. Но богиня Синтия, которая всегда мстит за поруганную девичью честь, превратила его в черного грифа-падальщика, Прокну – в соловья, а несчастную Филомелу – в ласточку, у которой хвост вырезан посередине, как был вырезан язык Филомелы. Вот почему соловей поет только вдали от чужих глаз, а ласточка летает так быстро, что ее невозможно поймать; ведь их вечный враг продолжает преследовать их.

А бедный Итис, убитый собственной матерью в отместку за преступление отца, теперь помогает всем детям, которые страдают по неведомым им самим причинам, по малолетству своему еще неспособные даже понять эти причины.

Рассказав нам эту легенду, Эгесистрат велел мне встать между алтарем и костром и, бормоча заклинания, перерезал горло голубям, чтобы кровь их капала в огонь, затем совершил возлияние вином и бросил в костер какие-то благовонные травы. Прделав все это, он запел гимн Итису, а Ио и Элата вторили ему.

От дыма костра у меня защипало в носу, потом вдруг захотелось спать; и я, по-моему, задремал, а во сне увидел того мальчика, которого встретил на рынке. Это был отрок, еще не превратившийся в мужчину, но уже с первым пушком на верхней губе и на щеках, одетый в дорогой плащ явно восточного происхождения. Черные волосы его были тщательно причесаны, в ушах – золотые кольца. Но вел он себя как-то странно, словно пробрался сюда украдкой, и очень удивился, когда я спросил, зачем он присоединился к нам, если не принимает участия в жертвоприношении.

И тут Эгесистрат вдруг спросил меня, помню ли я, кто он такой. Я ответил, что его зовут Эгесистрат и что он прорицатель. Он спросил, могу ли я бегать так же быстро, как он; когда я заявил, что могу, он снова спросил, могу ли я бегать быстрее, чем он, и я сказал, что могу. Тогда он спросил, помню ли я кибернета и сможет ли он, Эгесистрат, обогнать его. Я ответил, что не сможет, и он спросил, почему я так думаю.

– Ты и сам должен знать, – ответил я.

– Конечно я знаю. Но хочу выяснить, знаешь ли ты.

– Да ведь ты хромой! Тебя ранили спартанцы – так, во всяком случае, ты мне говорил.

Почему-то Ио очень удивилась этим моим словам. Странно.

– А куда меня ранили? – продолжал расспрашивать Эгесистрат.

– В бедро.

Он кивнул.

– А как тебе нравятся мои новые зимние сапоги? Как ты думаешь, в них удобно бегать? Оба ли они для этого хороши?

Я взглянул на его сапоги и заверил его, что они превосходные (так оно и было на самом деле).

– Впрочем, как и любая обувь, они больше годятся для ходьбы, чем для бега, – заметил я. – Быстрее всего человек бежит босиком.

– Хорошо сказано, – заявил Эгесистрат. – А теперь скажи, Латро, ты все еще видишь мальчика, с которым только что разговаривал?

Элата подмигнула мне и указала, куда нужно смотреть. Но в ее подсказке не было никакой необходимости. Я по-прежнему хорошо видел этого мальчика, о чем и сказал Эгесистрату.

– Спроси у него, как поживает Эобаз.

Не имею понятия, откуда мальчику могло быть известно о каком-то Эобазе и почему Эгесистрат считает, что ему это известно (разве что кто-то утром на рынке ему сказал?). Я окликнул мальчика:

– Эй! Подойди-ка поближе к костру! Что ты можешь сказать нам о спартанце Эобазе, изготовившем канаты для моста, построенного Великим Царем? – Я помнил, кто такой Эобаз, потому что прорицатель говорил о нем с нашим капитаном совсем недавно, в харчевне.

– Эобаз – не спартанец, – отвечал мальчик. – Он мидиец.

– Значит, ты его знаешь?

Он пожал плечами и повторил:

– Он мидиец. Мы мидийцам не доверяем, они не нашего племени.

– Ты должен повторять все, что скажет мальчик, – велел мне Эгесистрат.

Я повторил. Эгесистрат сказал:

– А теперь спроси его, где Эобаз сейчас.

Повторять его вопрос не было необходимости – мальчик прекрасно все слышал. Он на мгновение прикрыл глаза и промолвил:

– Эобаз на коне.

– Он едет верхом, – сообщил я Эгесистрату.

Прорицатель потер щеку и спросил:

– Один?

– Нет, – отвечал мальчик, обращаясь ко мне. – С ним много людей.

Высокие воины с копьями. Безволосый и очень сильный человек держит веревку, завязанную петлей у Эобазы на шее. – Понимая, что Эгесистрат мальчика не слышит, я повторил все это.

– Руки у него связаны?

Мальчик кивнул:

– Связаны, и конец веревки привязан к подпруге его коня.

– Латро! – раздался вдруг чей-то голос.

Удивленный, я оглянулся и увидел капитана Гиперида, который только что подошел к нам. Он помахал мне рукой, и я помахал ему в ответ. Тут мне в лицо вдруг пахнуло дымом, я закашлялся и вынужден был отойти от костра.

Эгесистрат тоже поздоровался с Гиперидом. Не знаю уж, куда при этом делся мальчик, я его больше не видел. Гиперид спросил, как прошло жертвоприношение и благоприятными ли были указания богов.

– Весьма благоприятными, – отвечал Эгесистрат. – Но при условии, что мы последуем совету Итиса.

– Превосходно! – воскликнул Гиперид, садясь у костра и протягивая руки к огню. – А каково это условие?

– Тебе с экипажем предстоит обогнуть мыс Геллы и встретить нас на фракийском берегу. А мы – Итис указал на нас четверых и на твоего чернокожего раба – должны последовать за Эобазом во Фракию.

Гиперид поморщился:

– Мне не хотелось бы расставаться с вами.

Элата, улыбаясь, сказала:

– Ничего, надеюсь, наша разлука будет недолгой.

Гиперид с мрачным видом кивнул и задумался, уставившись на огонь.

– Что касается меня самого и "Европы" с ее командой, совет Итиса был вполне подходящим, это ясно. Конечно, мы не можем оставить корабль, а если Эобаз и впрямь находится во Фракии...

– Он действительно там, – сказал Эгесистрат. – Итис подтвердил это.

– Тогда нам следует тотчас же сообщить это Ксантиппу и отправляться во Фракию как можно скорее. Однако вы пятеро здорово рискуете! – Он глянул на Ио:

– Девочке тоже надо ехать с вами?

– Если Латро поедет, – сказала Ио, – я должна ехать с ним.

Эгесистрат поддержал ее.

– Хорошо, пусть отправляется, – кивнул Гиперид. – Они с Элатой все же не так сильно рискуют, как вы с Латро и чернокожий. – Он вздохнул. – Двое из вас, конечно, хорошие воины. Во всяком случае, я сам видел, как сражается чернокожий, а про Латро мне рассказывал один поэт, Пиндар его имя. Он даже собирался написать о Латро поэму. Ты-то, Эгесистрат, разумеется, воевать не можешь. И ноги у тебя нет, и культя еще не зажила...

(Только сейчас я разглядел правую ногу Эгесистрата! Раньше-то я думал, она обута в сапог, но теперь понял, что это просто деревяшка. И решил убить его при первой же возможности.) – Культя моя быстро подживает, – возразил Эгесистрат. – И хотя от меня мало проку в боевой фаланге или при abordage, если меня посадить в седло, я буду ничуть не хуже любого другого всадника.

Гиперид поднялся, потирая руки.

– Лошади дорого стоят, – заметил он. – Понадобится по крайней мере...

Но Эгесистрат только отмахнулся от него, заявив, что сам за все заплатит. А когда мы вернулись в Сест, чернокожий отвел его в сторонку и показал ему пять лошадей. Я сам видел, потому что пошел за ними, хотя они меня не заметили. Я догадался, зачем Эгесистрат отослал чернокожего – чтобы тот купил лошадей, а это значит, ему было известно, что они понадобятся, задолго до того, как мы пошли в роцц Итиса! И, по-моему, мальчик, с которым я беседовал, был вовсе не Итис, а самый обыкновенный живой подросток, возможно, с какого-нибудь иноземного корабля. И вовсе он не говорил того, что Эгесистрат потом передал Гипериду!

Похоже, этот Эгесистрат просто предатель. Что ж, за предательство я ему отомщу: убью его, как только корабль уплывет.

Ио пришла ко мне, когда я ложился спать, и сказала, что ей холодно. Я уложил ее рядом с собой и накрыл своим плащом, а ее плащ набросил сверху.

Когда я спросил, сколько ей лет, она некоторое время явно колебалась, решая, видимо, какой возраст мне покажется приемлемым. Я даже упоминать здесь не стану, какой возраст она мне назвала: это безусловно вранье.

Скоро я догадался, чего она, собственно, хочет от меня, но не пошел у нее на поводу и сдержался, хотя многие на моем месте, наверное, поступили бы иначе. Я спросил только, довольна ли она, что отправляется во Фракию вместе с Эгесистратом и Элатой, и она сказала, что очень этому рада. Когда же я спросил, почему, она отвечала, что Фракия находится на пути в Фивы, и что Пиндар, вероятно, сейчас как раз в Фивах, и что для меня лучше всего было бы найти Пиндара, который, наверное, сможет отвести нас туда, где меня исцелят. Услышав

это, я очень обрадовался, потому что подробно записал все, что говорили об этом Пиндаре, и уже прочел свои записи.

Потом я немного поспал. А когда проснулся, услышал, что Ио плачет. Я спросил, отчего, и она ответила, что была в Фивах храмовой рабыней и, если вернется туда, ее, несомненно, жестоко накажут. Я спросил, не из Фив ли я сам родом, хотя и предполагал, что это не так. Она ответила, что я не фиванец, а только она сама фиванка. Если это действительно так, у меня нет ни малейшего желания ехать в Фивы. Я буду продолжать свои поиски, пока не найду такое место, где люди меня узнают и смогут сказать, что я с ними одной крови.

Однако постараюсь при этом по возможности не подвергать жизнь Ио опасности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 9 ЧТО СКАЗАЛА ЭЛАТА

Мне нужно перечитывать свои записи каждое утро, как только проснусь, и каждый вечер, пока не стемнело, записывать то, что произошло за день. Это уже вошло у меня в привычку, хотя я все же иногда забываю сделать очередную запись. Необходимо продолжать вести дневник во что бы то ни стало!

Нынче утром я увидел трех женщин, но не знал, как их зовут и почему они пляшут. Остальные еще спали, когда Элата вернулась в лагерь. Я тогда не помнил, что она из нашего отряда, но она заверила меня, что это так, и когда я пересчитал лошадей, то понял, что она говорит правду. Да и все остальные хорошо знали ее, как я потом смог убедиться. Элата сказала мне, что плясала она в полном одиночестве, поскольку любит танцы, а после езды верхом у нее все тело затекло и болело, так что хотелось размяться.

Но я определенно видел и других плясуний! Я с восторгом отозвался об их грации и спросил, куда же делись они. И тогда Элата объяснила, что то были дочери реки и живут они на дне. Она предложила даже проводить меня туда, если я того пожелаю, чтоб я сам мог их увидеть. Если мужчина, подобно мне, носит пояс воина, он не должен поддаваться страху; и все же я испугался как ребенок, когда она мне предложила опуститься на дно реки, и, конечно же, с нею не пошел.

Она рассмеялась и поцеловала меня; она такая маленькая, хрупкая, но когда я держал ее в своих объятиях, она показалась мне гораздо больше, чем я сам. Она говорит, что река эта называется Мелас и что по ней проходит граница Апсинфии.

Я спросил у нее, почему они так весело плясали, и она ответила: потому что пошли дожди.

– Ты, наверное, не помнишь, сколько вина я выпила в ту ночь, когда мы впервые встретились с тобой, Латро. Я все пила и пила, я просто умирала от жажды! – Она улыбнулась, склонив голову набок. – А теперь снова пошли дожди – лучшая пора для всех растений. Хочешь снова лечь со мною?

Страх все еще шевелился у меня в душе, но я кивнул. И тут один из спящих проснулся, Элата рассмеялась и отодвинулась от меня. Может, она просто смеялась надо мной и мы с ней никогда не делили ложе? Нет, я чувствую, что познал ее.

Проснувшийся сел, протер глаза и сказал:

– Доброе утро, Латро. Меня зовут Эгесистрат. Ты не сможешь мне обути сапоги?

Я ответил, что помогу, если нужно. Он объяснил, что ему очень трудно натягивать сапоги и что я ему каждое утро помогаю делать это. Наверное, так оно и есть, хотя я ничего не помню. Надо сказать, сапоги он натянул без особых трудностей. И еще заметил, что будет очень рад, когда вновь наступит теплая погода и можно будет носить сандалии. Я тоже буду этому рад: в сапогах очень неудобно не только ходить, но и даже ездить верхом.

Тут проснулась девочка. Она говорит, что ее зовут Ио. Позже она мне еще немного рассказала об остальных наших спутниках и о том, куда мы направляемся. Оказывается, мы надеемся найти одного плененного варварами мидийца, которого зовут Эобаз, а потом отвезти его в Афины. Я согласно кивал, понимая, что в сердце моем не много отыщется теплых чувств по отношению к Афинам, зато я исполнен сочувствия к этому Эобазу.

Проснулся чернокожий. Он пошел умыться к реке. Поскольку я почему-то за него опасаюсь, то решил проводить его и тоже умыться. Элата явилась к реке следом за нами – похоже, боялась, что я расскажу ему о плясках на берегу. Она все время прижимала палец к губам, когда он не смотрел в ее сторону. Сбросив одежду, она нырнула в стремительный поток; мы же с чернокожим зашли в воду только по пояс, а Ио (которая тоже пришла на берег реки) просто вымыла руки и ноги.

Самым последним явился Эгесистрат. По-моему, только потому, что боялся за Элату. Но, раз уж он сюда явился, ему пришлось снять сапоги и вымыть ноги. Потом он их вытер и снова запросто натянул сапоги – без моей помощи.

Интересно, что бы это значило? Может быть, так он хочет показать мне, что я должен ему подчиняться? Я ведь всего лишь помог товарищу, который к тому же значительно старше меня. Нет, вряд ли я подчиняюсь ему: я же не вол, чтобы ходить под ярмом.

Я тоже боялся ненароком упомянуть о тех плясуньях и решил рассказать чернокожему и остальным, что видел на берегу всадника, огромного человека с длинным копьём и на гигантском жеребце.

– Он, наверное, из Эноса, – сказал Эгесистрат. – Может, разведчик, а может, просто какой-нибудь аристократ местный на охоту выбрался. Вот переправимся через реку и окажемся на их территории. – Он кисло улыбнулся и добавил:

– Не сомневаюсь, многие еще до заката явятся приветствовать нас.

Я спросил его, не охотятся ли жители Эноса со львами, как другие народы с собаками, но он заверил меня, что у них таких традиций нет. Зверь, который несся рядом с конем всадника, показался мне самым настоящим львом, но я об этом рассказывать не стал.

Солнце, которое с утра сияло так ярко, теперь спряталось за тучи, посыпался мелкий дождь. Нам пришлось долго ехать вверх по течению, пока мы не нашли брод; и хотя множество следов копытных животных указывало, что брод действительно здесь, вода при переправе была лошадям по брюхо. Дождь прекратился вскоре после того, как мы переправились, но солнце так больше и не показалось. Когда мы взобрались на холм, с вершины которого видны были на том берегу шумной реки угли нашего костра, уже миновал полдень; в городах на рынках в это время полно народу.

Чернокожий все время ехал впереди, но когда мы на минутку остановились, чтобы оглянуться, он подъехал к нам и о чем-то заговорил с Эгесистратом на неведомом мне языке. Эгесистрат потом объяснил, что чернокожий настаивает, чтобы теперь после каждого брода мы ехали прямо на запад, а не возвращались по другому берегу, как до сих пор.

– Это будет долгое и тяжелое путешествие, – признал Эгесистрат. – У нас и так маловато продовольствия, а чем глубже мы забираемся, тем больше рискуем заблудиться. Мы можем даже невольно пересечь эту страну и оказаться на территории ее северных соседей. Можно, конечно, ориентироваться по солнцу и звездам, если боги пошлют нам ясную погоду, но мне кажется, вряд ли мы скоро вновь увидим чистое небо.

Чернокожий воздел палец, как бы показывая, что он и без того знает, где сейчас солнце, хоть небо и закрыто облаками.

– Пока что, – продолжал Эгесистрат, – мы старались держаться побережья, чтобы выйти к месту встречи с "Европой" у большого храма в устье Гебра. Но сперва надо все же выяснить, где находится Эобаз. А когда мы достигнем Гебра, то сможем двигаться по его течению, пока не придем к храму. Давайте решим, кто каким путем хочет идти. Те, кто за предложение нашего чернокожего друга по имени Семь Львов, пусть поднимет руку.

Чернокожий тут же поднял руку, я тоже – уверен, что он действительно мой друг. Ио тоже подняла руку, наверное желая показать мне свою покорность. Итак, все было решено.

Когда мы тронулись в путь, я поискал было на земле следы копыт – там, где видел всадника, – рассчитывая обнаружить и следы того зверя, что несся рядом с огромным конем, и

определить, кто это был: собака, как утверждает Эгесистрат, или все-таки лев, как показалось мне. Это не очень верный способ – порой крупные псы, а тем более овчарки, выведенные молоссами²⁰, оставляют следы не меньшего размера, чем у молодого льва; единственное, что их отличает: в собачьем следе всегда видны отпечатки когтей, а лев когти, как и всякая кошка, убирает. Но, сколько я ни искал, следов копыт огромного коня так и не обнаружил, зато заметил следы молодого льва.

В здешних местах берег низкий, почти плоский, зачастую заболоченный, и мы не всегда ехали у самой воды; но когда это все же случалось, нигде вдаль не было видно никаких островов, хотя, мне кажется, в такой ясный летний день мы должны были бы их увидеть. В первый раз мы перекусили, не слезая с коней; потом сделали привал у ручья с очень чистой и вкусной водой. Мы стреножили коней и развели костер, чтобы сварить обед. Мы уже покончили с хлебом и маслинами и как раз решали, не разбить ли здесь лагерь, когда Ио заметила всадников.

Она закричала, указывая на них рукой. Спускались сумерки, так что всадников различить было трудно, особенно если перед этим смотреть на огонь. Впрочем, через минуту я уже хорошо видел их на фоне деревьев, которые росли вдоль ручья: девять человек, вооруженных копьями. Эгесистрат встал и поздоровался с ними на фракийском наречии, а я проверил, легко ли выходит мой меч из ножен, заметив, что и чернокожий шарит рукой в поисках своих дротиков. Надо отметить, что у Эгесистрата, у меня и у чернокожего имеется по паре очень хороших дротиков; Ио говорит, что Эгесистрат купил их в Пактии, городе, оставшемся позади, на юго-востоке. У Эгесистрата еще есть легкий боевой топор с длинной рукояткой – обычное оружие мидийцев, – украшенный золотыми инкрустациями и накладками. У чернокожего имеется обоюдоострый кинжал, тоже, по-моему, мидийской работы, но с бронзовой отделкой, как и мой меч.

Когда Эгесистрат заговорил, он поднял чашу с вином, и я понял, что он предлагает всадникам выпить с нами вина. Один из фракийцев что-то ответил.

Я не понял, что именно, но по его тону догадался, что он от угощения отказывается. Я шепотом сказал Ио, что от нее в схватке все равно никакого проку, и велел спрятаться на берегу. Она кивнула и как будто подчинилась – отошла от костра в темноту, хотя вряд ли достаточно далеко.

Конники приблизились к костру. Тот, что отвечал Эгесистрату, что-то сказал, и Эгесистрат надел мех с вином на протянутый ему фракийцем конец копья. Всадник поднял копье, и мех съехал прямо ему в руки. Он сделал несколько глотков неразбавленного вина и передал мех своему соседу.

Эгесистрат жестом указал на небольшую кучку наших вещей – похоже, хотел показать, что вина у нас больше нет.

Фракиец указал копьем в сторону чернокожего и опять что-то сказал.

– Опустит оружие, – велел чернокожему Эгесистрат, и тот подчинился, воткнув дротики в мягкую землю. Я еще подумал, что легко можно было бы убить этого фракийца, метнув в него дротик, лежавший рядом со мной. А если бы их предводитель оказался убит, остальные наверняка тут же умчались бы прочь. Во всяком случае, мне так казалось, но дротик метать я не стал.

Фракиец объехал вокруг костра и остановился возле Элаты. Он жестом приказал ей встать ближе к огню, чтобы лучше видеть ее. Она только головой качнула, вся дрожа. Тогда фракиец направил своего коня прямо на нее, искусно им управляя, так что мощная грудь жеребца нависла прямо над Элатой, и заставил ее отступать к огню.

²⁰ Молоссы – древнее племя, с конца V в. до н.э. молоссы занимали господствующее положение в Эпире. Наиболее известным царем молоссов считается Пирр. Молоссы вывели особую породу крупных овчарок.

В конце концов она задела конец горящей ветки, и та, шевельнувшись, разметала костер, подняв сноп красных искр. Элата вскрикнула, Эгесистрат закричал на фракийца, но другой всадник двинулся на прорицателя и толкнул его. В тот же миг дротик чернокожего со свистом поразил этого фракийца прямо в глаз; острое его как рог выскочило у конника из-за уха. Мне, конечно, следовало тоже метнуть дротик; но я почему-то решил ударить предводителя фракийцев мечом – снизу, под ребра – и, когда он упал, отрубил ему голову, поразившись тому, что мой меч такой острый. Я и не знал этого.

Тогда остальные фракийцы бросились было прочь, но вдруг развернулись и опустили копья. Я хотел было снять путы со своего коня, надеясь успеть до того, как они бросятся в атаку, но путы с него оказались сняты. Он был взнуздан, Ио держала его за повод. Едва я вспрыгнул ему на спину, как раздался громкий топот коней.

Но то была вовсе не атака фракийцев! В одно мгновение, точно ураган, налетевший во мраке ночи, вокруг замелькали длинноволосые всадники; один из них пронесся прямо через костер, раскидав горящие уголья, так что за ним будто огненный шлейф потянулся.

Я бросился следом за ними и тут же был "вознагражден": стрела проткнула мне ухо. Зато больше не пришлось никого убивать – остававшиеся в живых фракийцы бежали. Между тем я достиг места, где только что была схватка.

Какая-то раненая женщина (я сперва принял ее за мужчину) билась на земле среди мертвых тел; на губах ее пузырилась кровь, она тщетно пыталась глубоко вздохнуть. (Еще не спешившись, я услышал, с каким ужасным звуком хлопает рана у нее в груди!) Я разорвал на ней тунуку и перевязал несчастную, закрыв рану мхом и стянув полосками ткани. Только теперь я убедился, что это женщина, ощутив под руками ее грудь. Вернулись ее подруги, однако, увидев, что я затягивал последний узел на повязке, не стали вмешиваться.

Мы прикрепили плащ к древкам двух копий и перенесли раненую к костру.

Эгесистрат зашил ее рану жилами, смоченными в вине. Я знаю, он не верит, что она выживет. Впрочем, не верю в это и я. А вот Элата уверена, что женщина будет жить.

Элата намазала мне ухо разогретой смолой, чтобы остановить кровь. Ио плачет от жалости ко мне, и я очень этим недоволен. Я уже объяснил ей, что мужчину убивает не кровь, текущая из раны, но гнев богов. Чернокожий только смеется над нами. Он стоит, выпрямившись и гордо выпятив грудь, так как эти женщины никогда не видели таких, как он.

* * *

Теперь все уже заснуло за исключением Эгесистрата и одной из тех женщин. Сейчас он с ней беседует. Лошади беспокойно топчутся и ржут, чувствуя запах крови. Фракийцы, конечно, вернутся и приведут с собой других – но, думаю, еще не скоро, вряд ли до восхода солнца.

Глава 10 АМАЗОНКИ

Женщины-воительницы всегда сжигают тела павших подруг. Об этом – как и о многом другом – я узнал от Эгесистрата, который говорит на языке амазонок и утверждает, что этот язык отличается от фракийского. Я спросил, сколько же языков он знает – сам-то я, похоже, знаю только два: тот, на котором пишу свой дневник, и тот, на котором разговариваю с Ио и остальными; правда, Ио уверяет, что я знаю по крайней мере еще один.

Эгесистрат сказал мне, что говорит на всех языках. Вероятно, так оно и есть. Ио называет его прорицателем, но не желает больше ничего рассказывать мне о нем. Женщины-воительницы считают чернокожего жутким; мне известно, что то же самое Ио думает о прелестной Элате; самому же мне кажется, что Эгесистрат куда более жуткий и странный человек, чем даже эти воительницы.

Он называет этих женщин "безгрудыми" «от греч. amazon – "лишенная груди"», Ио с Элатой тоже так их зовут, я последую их примеру. Ио говорит, что прошлым летом нам о них рассказывала одна женщина по имени Дракайна, весьма скверная с точки зрения Ио, но я этого не помню.

Если Фаретра умрет, остальные останутся здесь, сложат огромный костер и устроят ей огненное погребение. Нам же задерживаться ни к чему, если сами не захотим. Так говорит Эгесистрат, а мне кажется, что не стоит отделяться от амазонок. Мы явно еще не раз будем сталкиваться с воинственными фракийцами, а драться амазонки умеют не хуже нас. Я поговорил об этом с чернокожим, и он со мной согласен. Конечно, Эгесистрат с Элатой никуда без нас не уедут.

Амазонки сделали для Фаретры носилки и закрепили их между двумя лошадьми, отбитыми у фракийцев. Нынче утром, когда я ехал рядом, раненая улыбалась и что-то говорила мне. Я покачал головой, показывая, что не понимаю ее, и она показала мне знаками, чтобы я помог ей слезть с носилок; но я не стал этого делать. Волосы у нее почти такого же цвета, как мои, только чуть порыже. Рана причиняет ей сильные страдания; лицо осунулось, побледнело; кожа на скулах натянута так, что кости выпирают.

Все амазонки высокие и очень сильные. У них только одна грудь, левая, а на месте правой – плоский белесый шрам; их туники держатся только на одной завязке, прикрывая этот шрам. Я спросил у Фаретры, почему это так. Она ответила с помощью разных знаков, но я ничего не понял и спросил снова:

– Вам нужна только одна грудь, потому что вы рожаете и выкармливаете только одного младенца?

Фаретра кивнула. Стало быть, она, по крайней мере, несколько слов понимает на языке эллинов?

Я спросил, как ее зовут. Она сказала, но я не могу правильно произнести ее имя так, как произносит она. Звучит примерно как "фаретра", то есть "чехол для лука" – это наиболее похожее на ее имя слово, хотя она засмеялась, когда я ее так назвал.

Итак, скоро мы тронемся в путь.

* * *

Мы миновали какой-то фракийский город и разбили лагерь на болотистом поле на берегу реки. Все злятся по этому поводу, я тоже. После утренней трапезы мы встретили фракийцев; Ио говорит, что они выглядят точно так же, как те, которых мы перебили прошлой ночью.

Я перечитал все, что записал об этом событии, но нового для себя узнал мало. Мне следует поменьше писать о том, что произошло, и больше о том, что я вижу вокруг.

У многих высокородных фракийцев щеки украшены татуировкой, а на пальцах золотые кольца. Уздечки их коней и вообще вся упряжь так украшены золотом, что невероятно тяжелы, и кони аж сгибаются под их тяжестью. Фракийцев было не менее сотни. Нам бы ни за что не выстоять против них в бою, ведь у нас всего трое мужчин да несколько женщин, но Эгесистрат и предводительница амазонок после недолгих переговоров заключили с ними перемирие. Эгесистрат считает, что это было бы невозможно, если б фракийцы не пожелали представить женщин-воительниц своему царю. Он еще говорит, что некоторые из них понимают наш язык, хоть и притворяются, что это не так; поэтому нам следует соблюдать осторожность и не болтать чего не следует. Он спросил разрешения собрать топливо для костра, но фракийцы говорят, что топлива здесь нет (это ложь!) и что они сами нам его привезут. Придется мне писать побыстрее, пока еще светло.

На полях вокруг стоит недозрелая рожь, и мы здорово потравили ее своими конями. Явно не все фракийцы ездят верхом – мы видели много пеших крестьян. Всадники – это, вероятно, землевладельцы или их приближенные.

Многие явно очень богаты.

Мне кажется, копье – основное их оружие. Длинной эти копья в полтора человеческих роста, но они не толще небольшой пики; мне, я думаю, такое копье показалось бы неудобным, но фракийцы прекрасно с ним управляют.

Мечи, что я у них видел, заострены только с одной стороны, как моя Фальката, а конец у них длинный, суживающийся. У некоторых есть луки, но они, по-моему, менее мощные, чем у амазонок. Фракийцы носят кольчуги из плетеных колец или стеганные льняные куртки, у некоторых есть и шлемы; амазонки же вообще не носят никаких лат.

Луки амазонок сборные, они склеены из нескольких слоев рога и дерева и сверху обтянуты кожей. Каждая из них держит в своем чехле для лука комок пчелиного воска, которым натирает оружие, предохраняя его от влаги; сам чехол они тоже натирают воском. Чехлы у всех просто великолепные, из тисненой кожи. Фаретра дала мне свой посмотреть. Там есть отделение для самого лука, вшитая пустотелая кость для хранения запасных тетив и еще отделение в виде колчана для стрел. Спереди на чехле для лука изображен грифон, убивающий воина – причем это не нарисовано, а вытиснено. Надо полагать, изображение сперва вырезали на деревянной пластине, затем на этот шаблон была наложена мокрая кожа, которую тщательно обрабатывали деревянными молотками, пока она была еще влажной. Стрелы у них длиной в локоть и два пальца, наконечники железные; правда, мне их стрелы кажутся слишком маленькими и тонкими.

А вот меч у Фаретры очень странный. Такой же серповидный, как у меня, но внешний его край тоже заострен. Если отрезать половину от меча, напоминающего формой лист, то как раз и получится меч амазонки. Мне представляется, что такой длинный и легкий клинок очень удобен для всадника.

Какой-то крестьянин привез нам дрова на своей телеге. Горящий костер, на котором можно приготовить горячую еду, улучшил у всех настроение.

Эгесистрат заплатил за дрова два обола, что, по-моему, очень дорого. Он сказал Элате, что крестьянин обещал еще привезти нам вина и молодого барашка, так что у нас, видимо, будет неплохой ужин. Ио говорит, что мы давно не ели как следует. Да и раненой Фаретре мясо тоже пошло бы на пользу.

Эгесистрат рассказывал, что тот фракийский город называется Кобрис, а тамошнего царя зовут Котис²¹. Некоторые жители Кобриса выглядели, по-моему, как настоящие эллины, хотя

²¹ Котис (Котито) – фракийская богиня растительности и плодородия. Ее оргиастический культ был распространен больше

несомненно были фракийцами. Нас охраняет дюжина конников; иногда они съезжаются по двое, по трое поболтать, но командир заставляет их вновь рассыпаться цепью. Я решил, что поем вместе со всеми, а потом притворюсь, будто заснул; там посмотрим, насколько бдительно эти фракийцы нас сторожат.

* * *

Не желая открывать свои намерения, но стремясь выяснить, насколько задуманное мною может быть опасным, я спросил у Эгесистрата, что уготовано мне Судьбой в будущем. Он улыбнулся и сказал, что гадание – не самый плохой способ скоротать вечерок. Ио тоже загорелась желанием узнать будущее, и Эгесистрат обещал и ей погадать при условии, что она будет ему помогать, пока он гадает мне.

Она с готовностью согласилась, и он достал из своего мешка маленькое зеркальце, протер его солью и совершил возлияние вином в честь Богини любви (зеркала находятся в ее ведении, как он нам объяснил), а потом велел Ио принести из костра горящую головню. Сев спиной к огню, он некоторое время наблюдал с помощью зеркала за звездами – во всяком случае, так мне показалось. На небе нынче ночью есть облака, хотя оно и не полностью закрыто; клочья тумана наползают порой, закрывая луну и лицо той, которая ее держит.

Когда Эгесистрат наконец удостоверился, что все в порядке, то научил Ио простенькому заклинанию и велел ходить по кругу и повторять эти слова, высоко держа горящую головню и шагая в такт им. Элата тихонько запела другое заклинание; пела она почти неслышно, но звук ее голоса, казалось, заполнил все вокруг, раздаваясь во мраке ночи, как завывание ветра. Вскоре четыре амазонки уже били в ладоши в такт пению, поддерживая ритм, а пятая натянула лук и стала пощипывать тетиву, как струну, придерживая ее пальцем то выше, то ниже. Чернокожий и еще две амазонки постукивали в такт деревяшками.

– Мечи, – бормотал Эгесистрат. – Вижу мечи. Ты подвергаешься большой опасности, которая станет еще сильнее. Много мечей, длинных и острых!

Я спросил, погибну ли я.

– Может быть. Но я вижу богов рядом с тобою; многие из них улыбаются.

Ника всюду сопровождает тебя. Вот и Губитель тебе улыбается... – Он выронил зеркало. Ио остановилась; все остальные замолкли. Элата бросилась к Эгесистрату.

– Что ты увидел? – спросил я.

Он вздрогнул, поднял зеркало и повернул его отражающей стороной вниз.

– Свою смерть я увидел, – отвечал он. – Все смертное умирает... Нельзя было допускать, чтобы оно возобладало надо мною...

Было понятно: больше он ничего не скажет, и я не стал принуждать его.

Через некоторое время он заговорил снова:

– Ника везде с тобой рядом, как я уже говорил. Ты можешь видеть богов – во всяком случае, Ио не раз меня в этом уверяла?...

Я отвечал, что не знаю.

– Нику ты не видишь, потому что она стоит у тебя за спиной. Возможно, если бы ты посмотрел в зеркало, как я только что, ты бы ее увидел. Но тебе нельзя смотреть в зеркало. В мое зеркало.

– Да я и не хочу, – сказал я.

– Вот и хорошо. – Он отер лоб пальцами, стряхнув капли пота на землю. – Так, что там было еще? Ты отправишься в далекое путешествие... Я видел, тебя манит Бог Каменного столба²², а он – покровитель путешественников.

Богиня мудрости и Охотница играли в мяч, – значит, каждая из них будет использовать тебя в своих играх. Если сможет, конечно.

Предводительница амазонок слушала Эгесистрата так, словно понимала все или почти все из того, что он говорил, а потом задала какой-то вопрос на своем языке. Она не более высокая, чем все остальные воительницы, и вряд ли намного старше меня; но глаза у нее – как ледяные озера, и все беспрекословно ее слушаются, стоит ей только слово сказать. Эгесистрат зовет ее Иппофодой, что значит "атака конницы".

В ответ на ее вопрос он покачал головой:

– Нет, я не видел Бога войны²³. – Потом, обращаясь ко мне, добавил:

– Она говорит, что ты обладаешь его достоинствами – у тебя есть "арете", то есть по-нашему воинская доблесть. Она считает, что Арес мог бы защитить тебя, и это вполне правдоподобно; я ведь не могу предвидеть все.

– Но ты еще говорил, что ему улыбался Губитель, – сказала Ио. – Это же очень хорошо, не правда ли? Он уже однажды дал ему хороший совет, явившись нашему оракулу в Фивах. Я раньше хорошо помнила его слова, но теперь, боюсь, уже подзабыла.

Прорицатель медленно кивнул и подтвердил:

– Да, этот бог часто выступает союзником мужчин. Я не раз сожалел, что его сестра в этом отношении так мало на него похожа, хотя иногда она вполне дружелюбно ведет себя по отношению к женщинам, особенно к юным девушкам вроде тебя. Впрочем, она несомненно была мне прекрасным другом – и весьма щедрым! – Говоря это, он пожал руку Элаты.

Я спросил, какой совет он может мне дать по поводу увиденного им.

Он лишь пожал плечами:

– Как и все, кто попал в опасное положение, ты должен быть смел, но не чрезмерно. Только те пройдут сквозь все опасности и останутся в живых, кто бесстрашен и отважен, но не безрассуден. При первой же возможности тебе следует отправиться в Дельфы. Самый великий из всех оракулов Губителя находится именно там, и, если ты спросишь у него совета, он, наверное, даст его тебе. Непременно запиши все в свою книгу. Потом прочитай, и не один раз.

Я заверил его, что так и сделаю.

– Берегись женщин и всех ученых – как женщин, так и мужчин, – сказал затем Эгесистрат. – Они будут советовать тебе то, что выгодно им самим, так что не позволяй им командовать своей судьбой. Впрочем, это предостережение следовало бы дать любому мужчине.

Я кивнул, поскольку прекрасно понял, что прорицатель имел в виду, хотя он и сам ученый человек.

– Будь осторожен, не оскорби тех, кто покровительствует тебе, и делай все, что в твоих силах, чтобы заручиться дружбой тех, кто пока еще к тебе не расположен. Охота, к примеру, может понравиться Артемиде-Охотнице, а изучение наук – Афине; по нраву придется Богине мудрости и любая помощь ее городу. Или соответствующее жертвоприношение, хотя в этом нельзя быть полностью уверенным.

– А теперь мне погадай, – попросила Ио.

– Нет, – ответил ей Эгесистрат. – По крайней мере, не сегодня.

Тут как раз вернулся крестьянин, который привозил нам дрова, – с молодым бараном и кувшином вина. Прорицатель плеснул на землю несколько капель вина – возлияние Губителю;

²² Гермес. Каменные столбы или глыбы (гермы) использовались как дорожные вехи, поэтому Гермес считался покровителем странников.

²³ Арес, греческий бог войны, сын Зевса и Геры. Культ Ареса имеет фракийское происхождение.

потом чернокожий (который хорошо понимает в таких делах) заколол барашка, освежевал его и разделал – все очень быстро. Он жестами показал нам, что хотел бы оставить себе шкуру, чтобы сделать барабан; и все согласились, что шкуру надо отдать ему.

Фаретра села есть вместе с нами; это, несомненно, хороший признак.

Когда я спросил Ио, когда ранили эту амазонку, она ответила, что прошлой ночью, во время нашего боя с фракийцами. Ио и Элата старательно ухаживают за раненой, и амазонки как будто очень этим довольны.

Когда мы поели, амазонки затянули песню; слова понимал только Эгесистрат, но голоса у женщин были замечательные – наши стражи даже приблизились к костру, чтобы лучше слышать. (Фракийцы носят шапки из лисьего меха; а плащи у них с разрезом, но длинные, до пят.) В конце концов все, за исключением меня и Элаты, стали укладываться спать. Костер почти погас, и, хотя ночи стоят холодные, я не стану подкладывать в него дров, это только напугает Элату, а нашим стражам будет легче следить за мной.

Когда я писал про амазонок, надо было добавить, что они не пользуются бронзовыми удилами. Удила для своих коней они делают из сыромятной кожи, что меня очень удивило; не думаю, что когда-либо раньше мне встречались такие удила. Уздечки у них тоже из сыромятной кожи, а попоны под седлами – из овчины, почти такие же, как у нас.

Эгесистрат хром; у него курчавая борода, очень черная. Элата ростом значительно ниже амазонок и очень красива; Ио еще совсем ребенок. У меня в дневнике записано, что мы должны найти какого-то Эобаза и что нас послал Гиперид, триерарх. Я спросил у Эгесистрата и у Ио, так ли это, и они все подтвердили. Здешние земли принадлежат полису под названием Энос, а местность называется Апсинфия. Это во Фракии.

Я попытался писать до тех пор, пока не уснет Элата, но чувствую, что слишком устал, да и костер почти погас. Может, она и вовсе не собирается нынче спать? Среди наших стражников появился еще один, более высокий, чем остальные. Это плохо. И с ним собака, что еще хуже. Сейчас я лягу, но спать не буду, пока Элата не уснет окончательно и не потухнет костер.

Глава 11

АРЕС И ПРОЧИЕ

Итак, Котис, Эобаз и Клетон – мне надо запомнить эти имена или, по крайней мере, вспоминать их, когда я перечитываю свои записи. Хорошо бы еще помнить, что мне необходимо постоянно их перечитывать!

Я не собирался спать, но сон одолел меня. А когда я проснулся, луна уже сползла к горизонту, а на месте костра виднелись лишь тлеющие угли. Элаты рядом не было; Ио, Эгесистрат, чернокожий и амазонки спали. Стражей наших я не видел, но слышал, как фыркают их кони.

Хотя я уже не помню, что было вчера утром, но уверен, что тогда мы еще не были пленниками фракийцев. Я помню, что видел, как они скачут через равнину. Может быть, нам нужно было бежать от них? Впрочем, они бы наверняка бросились в погоню. Лучше уж драться на свежих конях, если придется вступать в бой, однако предпочтительнее всего было бы разойтись с ними мирно. Так, видимо, мы и оказались здесь.

Вокруг нашего лагеря даже укрыться негде. Пришлось дожидаться, когда луна уйдет за горизонт. В темноте я, крадучись и пригибаясь к земле, пробрался сквозь высокую рожь к фракийскому городу. Конечно же фракийцы подозревали, что мы попытаемся бежать, так что это было наиболее безопасное направление. Один раз совсем рядом со мной проехал всадник, но меня не заметил. Я захватил с собой меч, но дротики оставил. Из головы у меня не выходила Элата; я боялся, что стражники как-то выманили ее из лагеря, изнасиловали и убили.

В городе было несколько каменных зданий; стеной своей он был обращен к морю. Ближайшие дома показались мне просто лачугами; то были жалкие деревянные постройки или мазанки, крытые соломой. Несколько улиц совсем не были освещены.

Я решил, что эти бедняки вряд ли поднимут тревогу – только если их жизнь или имущество подвергнутся опасности, – а потому тихонько позвал у двери одной из лачуг, а когда мне никто не ответил, постучал в дверь рукоятью меча. Наконец дверь открылась; на пороге стоял очень недовольный мужчина и что-то говорил мне на непонятном языке. Я объяснил ему на языке эллинов, что я эллин, путешественник, а потом попросил его отвести меня к кому-нибудь из моих соотечественников, кто приютил бы меня на ночь.

Не думаю, что он меня понял, но, по всей видимости, догадался, на каком языке я говорю. Так или иначе, он распахнул дверь, и я увидел у него в руках дубину. Впрочем, он ее тут же выронил, едва увидел мою Фалькату.

Потом он проводил меня почти до самых доков, где находился дом Клетона.

Этот дом был довольно большой, гораздо больше всех домов вокруг. Фракиец указал мне на дверь и тотчас же убежал.

Я постучался, и мне открыла какая-то женщина. Я не помню ее имени, но она, по-моему, была фракийка, одна из служанок Клетона. Она не хотела меня впускать и казалась очень напуганной. Однако, поняв, что я не говорю по-фракийски, разбудила своего хозяина.

Клетон – толстый коротышка с седой бородой, но смелости ему не занимать. Явился он с недовольной миной на лице и с тяжелым посохом в руке, который и не подумал бросать, даже увидев мой меч. Он заявил, что делами занимается только на рынке – с раннего утра и до позднего вечера.

Так что, если я желаю с ним говорить о делах, то мне следует подождать до утра и явиться к нему на склад, а сейчас он просит меня удалиться.

– Но я не могу явиться к тебе утром, благородный Клетон, – отвечал я (служанка сказала мне, как его зовут). – Ибо меня охраняет стража. Уж не думаешь ли ты, что я всегда разгуливаю в грязном хитоне и с вымазанными землей коленями? Да мне пришлось ползти, как ящерица, чтобы добраться сюда!

Он посмотрел на меня и велел женщине идти спать.

– Насчет ее можешь не беспокоиться, – сказал он мне. – Она понимает только "приди", "уйди" и "раздвинь ноги". Ты явно не иониец, хотя говоришь, как в Афинах. Откуда ты на самом деле?

– Этого я не помню, – ответил я.

Он рассмеялся.

– Ну что ж, здесь немало людей, попавших в беду. Можешь не говорить даже, как тебя зовут. Что тебе нужно от меня?

– Ничего особенного, – сказал я. – Знаешь, где находится мидиец по имени Эобаз?

– Ну, это все знают, – задумчиво проговорил он.

– Только не я. Я же не говорю по-фракийски.

Клетон пожал плечами:

– Язык варваров. Я тоже сперва думал, что не очень хорошо его понимаю, потому что у меня всегда были трудности в понимании разных оттенков и значений слов. Но потом я понял: эти дикари и сами-то не очень разбираются в тонкостях своего языка, который хорош только для того, чтобы орать на других. Хочешь вина?

Я кивнул; мне было ясно, что стоит заручиться дружбой этого человека.

Он поставил свой посох в угол и провел меня в большую комнату, где был стол и скамьи вокруг него.

– Здесь обычно едят под крышей, – сказал он. – Погода стоит ужасная. И вино здесь тоже неважное, но другого у меня нет – война ведь. Не знаешь, Великий Царь со своим войском сюда не собирается?

– Понятия не имею, – ответил я.

– Надеюсь, они все же вернуться; солдаты в прошлый раз скупили у меня все, что было. И платили хорошо! Присаживайся. Извини, я только за вином схожу.

Мне, конечно, пришла в голову мысль, что он пошел вовсе не за вином, но если бы даже он позвал на помощь, я с этим ничего поделаться не мог, так что сидел и прислушивался. Но Клетон скоро вернулся с вином, водой, чашей для смешивания и еще двумя чашами.

– Если местонахождение Эобаза всем известно, – сказал я, – то ты, несомненно, можешь сказать об этом и мне.

– Нет, не могу, – ответил он и протянул мне чашу. – Ведь пока что я ничего полезного не получил от тебя взамен. Что ты мне можешь сообщить?

Я спросил, что именно он хотел бы узнать.

Он снова пожал плечами:

– Можешь начать с того, где тебя держат и что ты им сделал.

– Ничего не сделал, по-моему, – сказал я. – А держат нас в поле, на берегу реки, недалеко от города.

– Значит, ты не один? И много вас? Впрочем, вряд ли они стали бы держать одного человека в поле. Так сколько вас?

– Тринадцать.

– Несчастливое число! Неужели ты этого не знаешь? Двенадцать олимпийских богов никогда не допустили бы тринадцатого в свой круг. Когда родился Бог вина, Богине земли пришлось исчезнуть, чтоб освободить ему место²⁴. Между прочим, ему может не понравиться, что ты над моим угощением рожу кривишь. Вино, конечно, скверное, но это лучшее, что у меня есть.

²⁴ Бог вина – это Дионис, сын Зевса и фиванской царевны Семелы, которую Зевс, рассердившись, испепелил, а неродившегося сына зашил в бедро и выносил сам. Первоначально Семела была фракийско-фригийской богиней земли. Ее имя и значит «земля».

– Это не из-за вина, – сказал я. – То, что мы пили вчера, было еще хуже. Просто я нынче прочитал, что могу видеть богов, а я о них ничего не знаю.

– Да никто о них ничего не знает, сынок! Пусть попусту не болтают. А кто эти остальные двенадцать пленников? И зачем ты пробрался в Кобрис?

Я объяснил, что наша группа смешанная и мы просто ехали вместе.

– Нас послал один капитан-афинянин по имени Гиперид. В нашей группе, помимо меня, еще предсказатель Гиперида, его жена...

– погоди минутку... – Клетон поднял руку. – Ты сказал, Гиперид? Как он выглядит?

Я не помнил, но чувствовал, что если признаюсь в этом, то ничего больше не узнаю.

– Да его ж тысячи людей видели, – ответил я. – Он очень хорошо известен. Что я докажу, если опишу его внешность?

– Ты докажешь, что тебя послал именно Гиперид, а я скажу тебе, где находится этот мидиец. Зачем он понадобился Гипериду?

– Ему было приказано найти Эобаз и привезти его в Афины, – сказал я. – Больше я тебе ничего сообщить не могу. Что же касается доказательств, то корабль Гиперида будет ждать нас в устье Гебра. Можешь послать туда кого-нибудь – пусть у него самого спросят. Меня зовут Латро, а его предсказателя – Эгесистрат.

Клетон изумленно уставился на меня:

– Эгесистрат из Элиды? С деревянной ногой? – Я был слишком удивлен, чтобы сразу ответить, но он воспринял мое молчание как знак согласия. – В хорошую же компанию ты попал, сынок! Ничего себе! Да ты хоть знаешь, кто такой этот Эгесистрат из Элиды?

– Прорицатель Гиперида, как я тебе уже сказал, – отвечал я.

– Ну, этого маловато. Хотя да, конечно... Учти, когда здесь проходили войска Великого Царя, он был прорицателем самого Мардония! Я, правда, толком его не видел, но слышал о нем очень много. Великий Царь, конечно, обладал верховной властью, но Мардоний был его стратегом – и к тому же каким-то родственником ему приходился, кажется, зятем. Так, значит, бывший прорицатель Мардония теперь служит Гипериду?

У меня сразу пересохло в горле. Я залпом допил вино и промямлил:

– Раз ты так говоришь, значит, так оно и есть.

– Я иногда веду с Гиперидом дела. Он мне кожи продает, в основном лошадиные шкуры. Иногда я у него янтарь покупаю, если цена подходящая.

Передай ему привет от меня.

Я обещал, что передам.

– Так тебе нужно только узнать, где находится Эобаз?

– Если бы ты мог помочь нам освободиться, мы были бы тебе очень признательны, – сказал я.

Он кивнул.

– Хорошо. Я завтра приду поговорить с Эгесистратом, а там посмотрим. Ты знаешь, где находится храм Плейстора?

Я покачал головой.

– К северо-западу от города, на высоком холме. Фракийцы всегда строят свои храмы на холмах. Это очень большой храм, потому что Плейстор – бог войны. Мы же зовем его Арес.

Я спросил, далеко ли это.

Клетон почесал пальцами бороду.

– Я там нечасто бываю, сынок, – ответил он. – Что-нибудь стадий десять.

Там есть одна дорога – по ней к храму движутся процессии, и она поэтому мощеная, хорошо утрамбованная. Ты ее сразу заметишь. Она выведет тебя прямо к храму – не заблудишься.

Но я все же заблудился, и теперь думаю, что Клетон вряд ли когда-нибудь ходил по этой дороге ночью, да еще без фонаря. Дорога, о которой он говорил, начиналась прямо от рынка, как я и предполагал, и она действительно была хорошо расчищена и утрамбована. За ней, видимо, хорошо следили и ухаживали, такая она была гладкая, а резные столбы вдоль нее стояли через каждые десять-пятнадцать локтей и по обе стороны.

Ночь была уже на исходе, в воздухе буквально чувствовался рассвет (хотя заря еще и не думала загораться). Когда я выбрался из города, дорога пошла вверх, и вскоре я поднялся на невысокий холм и увидел справа вдали красный отблеск нашего костра. Кто-то, видимо, проснулся от холода и подбросил в костер дров. Интересно, кто это и заметил ли он мое отсутствие?

Потом я вышел на развилку двух дорог; обе они были, насколько я мог судить в темноте, одинаково широкими и ухоженными, но было совершенно невозможно определить, которая из них ведет к храму Плейстора. Решив, что благоразумнее держаться неподалеку от нашего лагеря (я рассчитывал вернуться туда еще до зари), я выбрал правую дорогу. Далеко по ней я уйти не успел: услышал музыку и вскоре заметил пламя факелов.

Едва я успел отступить в сторону, как на дороге появились танцующие девушки. Их было пять. У двух в руках были цимбалы, у двух – тимпаны.

Далее следовала еще группа людей с флейтами и факелами. Пятая девушка из первой группы, у которой не было никаких музыкальных инструментов, вдруг прервала свой дикий танец и обняла меня. Я был совершенно ошарашен этим.

– Ты разве не узнаешь меня, Латро? Ну да, ты все забываешь, но не так же быстро, наверное? Пойдем, будем плясать вместе. Знаешь такой танец? – Она схватила меня за руку, и через секунду я уже прыгал и кружился вместе с нею, причем сапоги мне ужасно мешали.

– Шаг влево, шаг вправо, поворот и полный оборот. Влево, вправо, снова вправо. Очень хорошо! У тебя отлично получается!

Остальные танцовщицы чуть расступились, чтобы видеть нас, и я чувствовал, что они улыбаются в темноте.

– Еще совсем недавно ты сидел у костра и что-то писал, но сам не мог глаз от меня оторвать. Ну что же теперь ты не хочешь поплясать со мной?

Задыхаясь, я попытался объяснить ей, что у меня срочное дело в храме Плейстора.

– А-а, так ты, значит, заблудился, бедняжка! Эта дорога ведет в храм Матери богов – мы как раз идем оттуда.

Тут нас догнал еще кто-то, кого я сперва, не разобравшись, принял за амазонку; он сказал, что нам не следует танцевать впереди процессии и надо подождать, пока не проследует царь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.